

ВИЗАРИУМ

ПРОНИКНОВЕНИЕ МИРОВ

ВЕРЕСНЕВ САРГАСОВ БОГДАНОВ ВЕРОВ ТРУШИНОВСКАЯ СОЛОВЬЕВА
КАТША ДЕРЬБЕНЕВА ЛАЗАРЕНКО АЛФЕРОВ

**Мария Соловьева
Ирина Лазаренко
Всеволод Алферов
Тар Саргассов
Вера Викторовна Камша
Анна Дербенева
Игорь Вереснев
Александр Богданов
Ярослав Веров
Даля Мейеровна Трускиновская
Визариум.
Проникновение миров**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67137067
ISBN 978-5-6045754-4-4*

Аннотация

Все мы слышали о параллельных мирах. Но – хорошо, когда они клубятся где-то за призрачной стенкой. Однако что если эти потусторонние миры начинают медленно, но уверенно сливаться с нашим?

Что делать, если на родном комбинате внезапно ожили призраки и вообще – творится всякая чертовщина, а твоя жизнь из-за этого летит кувырком?

Что если ты – подросток-игрок, который в погоне за выигрышем оказывается в лапах у потусторонних существ, обосновавшихся в обычном земном особняке?

Что если само существование твоего города зависит от того, выйдут ли сегодня дети на прогулку?

Содержание

Часть 1. Гости из зазеркалья	5
Игорь Вереснев	5
Тар Саргассов	38
Конец ознакомительного фрагмента.	147

Коллектив авторов
Визариум.
Проникновение миров
Фантастический сборник

Часть 1. Гости из зазеркалья

Игорь Вереснев
Та сторона, где тьма

Добро – изнанка зла.
Японская пословица

Такой счастливой Яна ещё никогда не была. Даже не верилось, – неужели правда? Несомненно! Потому что в детской ожидают завтрашнее событие свадебное платье, фата, туфельки, перчатки. Хотя правильно ли называть «детской» комнату взрослой восемнадцатилетней девушки, невесты? Яна хихикнула, налила в пригоршню шампунь, принялась втирать в волосы. Сквозь шум воды доносилось бормотание телевизора в гостиной, иногда – позвякивание посуды

на кухне. У мамы весь вечер глаза на мокром месте. Как же – «доченька-кровинушка из дому уходит»! Готовит, а сама плачет. Чего, спрашивается?

Она закончила намыливать голову, сделала полшажка назад, подставляясь под струи воды. Завтра роспись, банкет в ресторане, потом... Что будет потом, додумать не успела. Вода, только что в меру горячая, начала стремительно остывать. Мысленно чертыхнувшись, девушка попыталась нащарить регулятор смесителя. Расположение рукояток в душевой кабинке она знала на ощупь, но в этот раз ничего не получалось, пальцы лапали пустоту. Снова чертыхнувшись, теперь вслух, Яна попятилась, ударилась плечом о полочку. Что-то влажно шлёпнулось под ноги. Засипев не столько от боли, сколько с досады, она протёрла глаза, открыла. И остолбенела.

Задняя стенка кабинки исчезла. На её месте зияла дыра, иссиня-чёрная, дышащая холодом. Два громадных, круглых как блюдца глаза таращились на девушку из темноты. Зрачков у этих глаз не было. Рот сам собой открылся для вопля. Но мгновением раньше из дыры вылетел пучок нитей. Спеленали, намертво прилипая к влажной коже.

Полчаса спустя мама Яны заглянула в гостиную, подозрительно посмотрела на застывшего перед экраном телевизора мужа. Попеняла укоризненно:

– Сколько мне ждать? Или я должна каждого персонально приглашать? Яна у себя?

Мужчина повернулся к ней, неуверенно пожал плечами.

– Она же в душ пошла. Я думал, мы её ожидаем...

– До сих пор в душе?! Что можно мыть столько времени?

Подошла к двери ванной комнаты, прислушалась. Постучала, окликнула громко:

– Яночка, ты там не заснула?

Ни ответа, ни иных звуков, кроме шума льющейся из душа воды. Женщина приоткрыла дверь, заглянула. Нахмурилась. Быстро вошла, раздвинула створки кабины. Из упавшей на пол бутылочки вытекали остатки шампуня, смешивались с горячей водой. Длинный русый волос запутался в сеточке водостока. Больше в кабине не было ничего. И никого.

Хороший выдался день. Во-первых, зарплата – всегда хорошо. Во-вторых, обмыли её с бригадой душевно и в меру экономно, поэтому Бодя возвращался домой со спокойной совестью, – жена пилить не станет. Всё оттого, что у Верки в генделике сегодня акция на пиво. А водка у неё всегда самая дешёвая в городе, «лайт-цены для постоянных клиентов». И в-третьих, Бодя сумел удержаться в пределах нормы, шёл домой на своих двоих, а не повиснув на плече у Ромчика, по обыкновению.

Мысль о Ромчике заставила оглядеться по сторонам, – где он, собственно? Из генделика они выходили вместе, Бодя это точно помнил. Хотел возвращаться, искать друга, но мигом передумал. Водки было выпито в меру, однако с акционным

пивом он переборщил. Теперь оно просилось наружу, и следовало поспешить домой, чтобы не опозориться.

Минуты через три Бодя понял, что до родного унитаза пиво не донесёт. Благо подъезд соседней девятиэтажки открыт. Пудить в чужих подъездах – безобразие, но, как говаривал бригадир, «лучше потерять совесть, чем мочевого пузыря». Воровато оглядевшись, он юркнул в дверь. Прошёл под лестницу, куда почти не доставали лучи тусклой лампочки. Кайф...

Сзади зашуршало. Шаги неуверенные, шаркающие. Не иначе, какой-то старухе не спится, на вечерний моцион выползла. Ну ползи, ползи. Нет, остановилась прямо за спиной.

– Чего стала? Кино тебе тут, что ли? – буркнул Бодя. – Иди, куда шла!

Молчит, не уходит. Как назло, пальцы не могли справиться с пуговицами на ширинке. Ну и ляд с ними! Он обернулся. И остолбенел, глаза полезли из орбит. «А водка у Верки палёная...» – подумал.

Эта мысль стала последней в Бодиной жизни.

Шоссе было пустынным по причине раннего часа. Солнце высоко поднимется, прежде чем горожане вылезут из постелей, соберут вещички и рванут к морю наслаждаться последним летним уикендом. Ярослав соней и лежебокой не был. Выехал так, чтобы попасть к открытию поселкового рынка. Купить помидорчиков с огурцами, виноград, груши, слад-

кую местную креветку, ещё тёплые духовые пирожки, деревенскую ряженку, – натуральную, полезную, не в пример магазинным йогуртам. Затем – в пансионат. Разбудит девчонку, позавтракают – и в море, купаться! На два дня забыть о работе, о расследовании, забыть обо всём!

Жена с дочкой уехали в пансионат накануне вечерним автобусом, но Ярославу пришлось задержаться в городе ради встречи, которую сам и назначил. Встречу можно было организовать в любой день и любое время, однако, учитывая личность вызываемого, Ярослав предпочёл это сделать, когда семьи в городе не будет. А обстоятельства, на встречу подвигшие, заставляли её не откладывать.

Сапелкин был настоящим, классическим бомжем – вонючий, в драных засаленных обносках, заросший щетиной, с непрестанно хлюпающим красным носом. Ярослав подловил его рядом с логовом. Там же, за широкими трубами тепло-трассы, они и уселись поговорить – подальше от посторонних глаз и ушей. Ярослав разлил водку по пластиковым стаканчикам, нарезал и разложил на газетке батон, круг полукопчёной колбасы, плавленые сырки. Сам он водку не любил, пил редко, тем более в такой компании. Но сейчас требовалось выказать уважение. Уважение Сапелкин оценил не меньше, чем угощение, поэтому историей своей поделился охотно, выложив любознательному журналисту куда больше, чем в полицейском протоколе. Водку при этом он пил неторопливо, без жадности, с видом ценителя. Плавленый сыр

аккуратно размазывал по куску хлеба складным ножичком, клал сверху колбасу, откусывал, жевал остатками сгнивших зубов. «Варёнку надо было брать», – подумал Ярослав, увидев эти зубы первый раз. Потом ни о чём не думал, слушал, борясь с желанием ущипнуть себя. Лишь когда бомж замолчал, шумно высморкался, вытер рукавом нос и вылил в стаканчик остаток водки, не удержавшись, спросил:

– Ты видел это собственными глазами? Именно так, как рассказываешь?

– Угу. А лучше б не видел. Открылись врата Ада...

Рёв клаксона заставил Ярослава невольно дёрнуться, крутнуть руль вправо слишком резко. Колесо «ланоса» схватило обочину, подняв клубы пыли. Высунувшаяся из окна подрезавшей его лазеровой «хонды» девка с коротко стриженными платиновыми волосами и ярко-сиреневой помадой на губах захохотала, показала средний палец. Вторая, сидевшая за рулём, тоже была блондинкой, но другого оттенка. Таких обычно называют «белобрыся».

Рывкнув ещё раз на прощанье, «хонда» умчалась вперёд, стрельнула облачком выхлопа в радиатор поверженного соперника, пять минут – и исчезла за поворотом. Ярослав чертыхнулся. Откуда они взялись в такую рань? Или для них это, наоборот, не рано, а поздно? Потусили девочки в ночном клубе, теперь решили покататься, проветриться, пока патрульная полиция спит. Оторв следовало догнать и наказать примерно. Но, во-первых, движок у них под капотом

куда мощнее, в скорости не потягаешься. Во-вторых, девки наверняка под кайфом, учудить могут, что угодно. Поэтому лучшая тактика – не связываться. Уехали, и пусть катятся, скатертью дорога.

Прошедшее лето выдалось жарким и сухим, щедрым на пожары. Лесополосы, тянущиеся вдоль шоссе, они тоже не обошли стороной. Зелень листвы то и дело сменялась чёрными обугленными скелетами деревьев, травяной ковёр – пепелищем. Выглядело угнетающе, жутковато даже.

За поворотом он снова увидел машину блондинок. Наплевав на правила движения, те стали прямо посреди дороги. Ярослав притопил педаль тормоза и тут разглядел, что остановило «хонду». Рассудок услужливо подсказал: «Такое невозможно, потому что невозможно никогда и нигде!» Рассудок потребовал объехать препятствие, небольшой поворот руля, и готово. После можно сдать назад, рассмотреть подробности... Повезло, что тело не подчинилось рассудку.

Он резко крутанул руль, вдавил педаль тормоза до отказа. «Ланос» развернуло, выбросило на обочину и дальше – в кювет. Передние колёса потеряли опору, в капот ударило снизу, двигатель жалобно охнул, заглох. Ярослав облизнул прокушенную губу. Остановка получилась жёсткой. Ерунда, главное – не въехал в ЭТО.

Он открыл дверь, выбрался из машины. Это в самом деле выглядело невозможным. Дорогу перегораживало огромное зеркало. Границы его были неразличимы, оставалось дога-

дываться, где оно заканчивается, – по странной блеклой тени, полукругом накрывшей дорогу и обе обочины. «Хонда» врезалась в самую его середину. Но ни она, ни зеркальная поверхность от удара не пострадали. Машина словно въехала в «зазеркалье» почти на полметра, срослась со своим отражением. Белобрысая водительша недвижно лежала на руле, то ли неживая, то ли без чувств. Подругу её удар выбросил сквозь лобовое стекло, она распласталась на капоте, тоже въехав головой в невидимую поверхность. От этого казалось, что она и её зеркальный близнец слиплись в одно целое.

Поколебавшись, Ярослав перешагнул границу призрачной тени. Подошёл к «хонде», открыл дверь водительского места. Взял руку блондинки, прижал пальцем запястье. Искать пульс не пришлось, девушка шевельнулась, застонала. Жива, уже хорошо.

Краем глаза он заметил движение. «Хонда» оставалась на месте, но при этом плавно въезжала в зеркало. Нет, это зеркало надвигалось, поглощало машину! И девушку на капоте оно заглатывало, уже лишило головы, плеч... Отражение белобрысой открыло глаза, подняло голову. Независимо от оригинала.

«Это не зеркало!» – дошло до Ярослава. Что угодно, но не зеркальное отображение. И это «что угодно» приближается. – Эй, очнись! – Он шлёпнул блондинку по щеке. – Очнись, говорю! Уходить надо отсюда, быстро!

Вытащил из машины, поставил на ноги, снова отвесил по-

щёчину.

– Идти сможешь?

Что делается за спиной, он не видел, зато белобрысая выпучила глаза едва открыв, затряслась, готовая заорать благим матом. Нет, не заорала, попятилась прочь. Он подставил ей плечо, чтобы не упала.

Оглянулся Ярослав лишь на обочине. Зазеркальная блондинка выбиралась из машины. Вернее, верхняя половина её уже находилась снаружи, а нижняя, покрытая матово-серой чешуёй, всё выползала и выползала, и было её гораздо больше, чем мог вместить салон. Второе существо сидело на остатках капота – две пары наряженных в шорты ног и немного спины между ними. Будто почувствовав взгляд, оно с неожиданным проворством заскочило на крышу «хонды» – не зазеркальной, настоящей. Прямо из поясницы вылупились и потянулись вверх усики, набухая на концах глазными яблоками. Что станется дальше, смотреть желания не возникало. Хотелось одного – спрятаться! Благо прямо за кюветом начиналась лесополоса.

То, что бежать в горелый лес было ошибкой, Ярослав понял минут через десять. Ширина лесополосы не превышала пятидесяти метров, но преодолеть её они не могли. И цвет... Да, земля под ногами покрыта серым пеплом, серо-чёрными были остовы деревьев вокруг. Но почему небо казалось таким блеклым? Он гнал от себя догадку – убегая, они не вышли за пределы тени, отбрасываемой «зеркалом». Может,

следовало бежать по шоссе в сторону города? Туда, где яркие краски, где зеленела листва и поднималось солнце? Сожалеть и раскаиваться поздно.

Со спутницей он своими опасениями не делился, но в конце концов та и сама заметила неладное.

– Мы что, заблудились? – спросила неуверенно. – Город в какой стороне, знаешь?

– На востоке. – Ярослав криво усмехнулся.

– Издеваешься? И где тут восток? – Девушка пошарила по карманам, скривилась. – Телефон в машине остался!

– Возьми мой. Зачем он тебе?

– Как зачем? Позвонить... – Увидела отметку нулевого уровня сигнала. – Чёрт! Тут что, покрытия нет? В какую дыру мы попали?

Помолчала, спросила на полтона ниже:

– Это же не глюки, это на самом деле? Ты видел... Ты же не под кайфом?

– Я не под кайфом, – согласился Ярослав.

– Трындец.

Девушка посмотрела на перепачканные в сажу руки, на некогда канареечно-жёлтую, а теперь блеклую, в грязных пятнах блузку, вздохнула. Подняла взгляд на спутника.

– Слушай, ты хоть бы назвался. Я – Злата.

– А я – Ярослав.

– Прикалываешься? Не, правда, Ярик?

– Ярослав.

– Ой-ё-ёй, какие мы серьёзные... – Она вдруг поменяла тему. – Ты видел... Снежана... Думаешь, она умерла?

Ярослав предпочёл промолчать, только плечами пожал. Злата снова вздохнула. Спросила уныло:

– И что нам делать?

– Идти. Не может этот лес тянуться бесконечно. Или выйдем куда-нибудь, или связь появится.

Он старался говорить уверенно, хоть как раз уверенности не было совсем.

По прикидкам Ярослава они преодолели не менее двадцати километров. Если направление выбрано верно, то уже должны быть в городе, но даже если он ошибся – всё равно куда-то бы вышли. Увы, горелый лес и не думал заканчиваться. Единственное, что им попало на пути, – маленькое круглое озерце, скорее лужа с чёрной непрозрачной водой. Заросли камыша на его берегу тоже были чёрными. словно мгновенно высохли и обуглились от запредельного жара.

Злата облизнула пересохшие губы, спросила, замороженно глядя на озерце:

– Как думаешь, эту воду пить можно?

Не дожидаясь ответа, пробралась сквозь ломкие мёртвые камыши, присела. Зачерпнула воду ладонью, поднесла ко рту. Первый глоток сделала осторожно, потом черпала и пила быстро, жадно. Оглянувшись, сообщила:

– Вроде тиной не воняет. пей!

Пить в самом деле хотелось невероятно. Ярослав присоединился к спутнице. Да, привкуса тины у воды не было. Был другой, неуловимо знакомый и пугающий. Наверное, не надо это пить? Но умереть от жажды тоже не вариант.

Напившись от пуза, Злата выбралась из камышей, села под деревом, оперлась на него спиной.

– Ноги не идут, – пояснила жалобно. – Отдохнуть надо.

Ярослав сел рядом прямо на покрытую слоем пепла землю. Они так перемазались, что лишнее пятно роли не играло. Девушка помедлила, затем прилегла, устроив голову у него на коленях и вытянув ноги, – «Ты же не возражаешь?». Он не возражал. Беготня пользы не принесла, самое время подумать головой. Осмыслить случившееся сегодня. И услышанное вчера.

Таинственными исчезновениями Ярослав занимался второй месяц. В полиции на дотошного журналиста смотрели косо, информацию приходилось собирать буквально по крохам. И чем глубже он копал, тем лучше понимал мотивы стражей порядка, категорически не желавших признавать связь между происшествиями. Описания некоторых исчезновений выглядели настолько неправдоподобно, что те сразу попадали в разряд инсценировок, и о серьёзном расследовании речь более не шла. Ярослав с изумлением и ужасом выяснил, что необъяснимые исчезновения людей начались во все не год-полтора назад. Полиция давно старается не афишировать подобные дела. Как до неё это делала милиция. А

ещё раньше – опять-таки полиция, жандармерия и прочие. Человек исчезал внезапно: вот он есть, а вот уже нету. И ни одного свидетеля.

Впрочем, один свидетель нашёлся. В деле об исчезновении гражданки Боборыкиной, безработной, в прошлом «женщины с низким уровнем социальной ответственности», теперь зарабатывающей на жизнь собиранием пластика и картона, фигурировал некий Сапелкин. Показания его из дела были изъяты по распоряжению руководства. Но благодаря «неофициальным контактам», проще говоря, сунутой кому следует взятке, к Ярославу попали. Какими бы фантастичными они не выглядели, проигнорировать единственного свидетеля журналист не мог, – на безрыбье и рак рыба. Вытянуть, что возможно, а уж потом отделять зёрна от плевел. Поверил ли он Сапелкину? Вчера – однозначно нет. А сегодня?

Неожиданно Ярослав понял – вокруг кое-что изменилось. У них со Златой появились соседи. На ветвях деревьев сидели птицы. Размером с больших ворон, такие же чёрно-серые. Но не вороны. Лишённые клювов головы были слишком велики для вороньих. Он взгляделся, и волосы зашевелились на голове. У птиц были человеческие лица. Уменьшенные, карикатурно искажённые, но всё же человеческие. Чёрные глаза смотрели на пришельцев.

Ярослав медленно поднял руку, вытер выступившую на лбу испарину. Птицы были такими же невозможными нигде

и никогда, как твари на дороге. Сомнений не оставалось: они не выбрались в «реальный мир». Они каким-то образом оказались в «зазеркалье».

Он потряс Злату за плечо:

– Вставай. Надо уходить отсюда.

Девушка открыла глаза, и тут же раздался сухой треск. Что-то большое двигалось по лесу. Очень большое – деревья ломались как спички.

Они вскочили и бросились наутёк одновременно. Бежали, не разбирая дороги, ноги подкашивались, пот застилал глаза, и треск за спиной был всё громче, ближе. Земля отчётливо содрогалась под тяжёлыми шагами твари. А над головами шуршали чёрные крылья птиц.

Они так свыклись с нескончаемостью леса, что пробежали метров пятьдесят после того, как тот оборвался. За опушкой лежал посёлок. Два десятка деревенских домиков, разбросанных хаотично, без всякого намёка на улицы. Ярослав перешёл на шаг, пытаясь понять, куда они попали. В лесу за спиной по-прежнему топало и трещало, но птицы прекратили преследование. Означает ли это, что опасность миновала?

Злата не размышляла. Бросилась к ближайшему дому, распахнула калитку, заскочила во двор, взбежала на крыльцо. Забарабанила в дверь, закричала:

– Помогите!

– Постой! – попытался остановить её Ярослав.

Поздно. Дверь была не заперта, поддалась, едва девушка

потянула за ручку. Ничего не осталось, как поспешить следом.

Из-за удручающей серости снаружи в доме царил полумрак. Ярослав первым делом набросил щеколду, потом окликнул:

– Есть кто? Хозяева?

Тишина. Злата осторожно приоткрыла дверь, ведущую из прихожей в комнаты. Заглянула. Открыла полностью, вошла. Всё случилось мгновенно. Следующий шаг, и пол, казалось прочный и надёжный, превратился в труху. Девушка только айкнуть успела, ухнув в яму. Ярослав инстинктивно схватил её за плечо и почувствовал, что опора под ногами исчезает.

Приземление получилось на удивление мягким, если не считать, что он заехал локтем в скулу спутнице. Девушка засипела от боли.

– Извини, – пробормотал. – Ты целая?

– Вроде да. Что это было?

Сумрак дома сменился почти полной темнотой, поэтому изучать место, где они оказались, приходилось большей частью на ощупь. Колодец с ровными, гладкими до скользоты стенками. Жерло его серело над головами метрах в пяти, так что поставь Ярослав девушку себе на плечи, дотянуться до кромки она всё равно не смогла бы. Не ушиблись при падении они только благодаря тому, что дно колодца усти-

лал толстый ковёр тряпья. Ярослав взял один лоскут и понял, что это оторванная штанина. Второй оказался женской блузкой. Открытие ему не понравилось. Ещё меньше – нора полуметрового диаметра, проделанная в стене немного выше уровня пола. Что-то этот колодец ему напоминал. Что-то нехорошее. Чувствуя, как сердце начинает бешено колотить в груди, он сунул голову и плечи в нору.

Против удивления, воздух там не был затхлым. Сухой, еле уловимо пахнувший специями и лимоном. Первые секунды темнота в норе казалась крошечной, но вскоре стало ясно – это не так. Далеко впереди белело окно. Прямоугольное, вытянутое в ширину, до него было метров двадцать-тридцать, а то и больше. Что делается за окном, на таком расстоянии, разумеется, увидеть невозможно. Но из него струился яркий дневной свет!

Пока он изучал подземный ход, Злата поднялась на ноги, ощупала стены. И вдруг закричала:

– Эй, кто-нибудь! Помогите! Вытащите...

Ярослав вскочил, зажал ей рот. Цыкнул, заставил снова присесть. Ткнул пальцем в нору, приказал вполголоса:

– Пошли, там выход. Быстро, тихо и осторожно.

Он понял, на что походит этот колодец. Ловчая яма.

Нора уходила под землю с чуть заметным уклоном. Размеры её позволяли не становиться на четвереньки, идти согнувшись, придерживаясь рукой за стену. Затем нора и вовсе расширилась во все стороны, превращаясь в пещеру. Впро-

чем, дно её тоже было устлано толстым тряпичным ковром, так что прыгать не пришлось. Выпрямиться и идти к окну.

Ярослав не увидел, а скорее шестым чувством ощутил преграду. Остановился, протянул вперёд руку. Пальцы коснулись тонкой бечёвки, смазанной чем-то липким. Отдёрнул, замер, медленно поворачивая голову из стороны в сторону. Глаза привыкли к темноте, и свет из окна помогал, так что удалось кое-как осмотреться. Шириной пещера была метров пять, высотой – под три. Но большую её часть занимали хитросплетения нитей. Нижние ряды их проходили всего в полуметре от поверхности пола, так что дальше пробираться можно было только на четвереньках, а кое-где и ползком.

Среди нитей белели продолговатые предметы. Ярослав насчитал шесть штук. Ближайшее – всего в четырёх метрах от них. Обнажённое человеческое тело. Люди висели, скрученные по рукам и ногам, словно мухи в паутине. Висели неподвижно, то ли мёртвые, то ли... Лучше думать, что мёртвые.

Он потянул Злату, заставив присесть. И разглядел наконец, что у них под ногами. Нет, не тряпки. Мумии. Высохшая, превратившаяся в пергамент кожа, обтягивающая скелеты. Толстый слой человеческих останков. Именно от них шёл пряно-лимонный запах.

Ярослав показал на окно, объяснил:

– Проползём под паутиной. Тут недалеко.

И увидел по округляющимся глазам девушки, что она поняла. Вовремя удержал, не позволил вскочить.

– Нет, нет... это же... Я не могу. Я к этому не притронусь!

– Не думай о том, что это такое. Старая ветошь и мусор, поняла? Ветошь и мусор!

– Но я, правда, не могу! Меня сейчас стошнит!

– Что ж, оставайся. Жди, когда оно и тебя так же. Я уйду.

Злата заскулила, затрясла головой.

– Постой... минутку, пожалуйста. Я должна подготовить себя.

Сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, шмыгнула носом напоследок. Стала на четвереньки и быстро двинулась в сторону окна. Откуда прыть взялась?

Ползти по груде мумий было чертовски неприятно. Источенные кислотой кости хрустели и ломались внутри кожаных мешков, черепа рассыпались, стоило случайно опереться на них, пальцы путались в волосах, пучками выдирали их из скальпов, и запах теперь казался тошнотворным. Но хуже всего было ощущение взгляда на затылке. Хозяин логова не показывался из укрытия. Но биться об заклад, что он не видит незваных пришельцев, Ярослав не стал бы.

Пещера закончилась кирпичной стеной, в которой на высоте двух метров находилось окно. Паутина осталась позади, можно было смело встать на ноги. Ярослав подпрыгнул, уцепился пальцами за подоконник, вскарабкался к нему, налёг, упершись локтями. И застыл, чувствуя, как солёный комок

подступает к горлу. За окном был обычный мир с яркими красками.

Он смотрел на городской дворик сквозь низенькое окошко цокольного этажа. Слева, на качелях детской площадки раскачивались две подружки-младшеклассницы. Справа, в беседке трое подростков пили из банок, опасливо поглядывая на восседающих на лавках перед подъездом пенсионеров. Вон проехал велосипедист по дорожке. Вон серый котятра подкрадывается к голубям. Такая нормальная, привычная картинка, он столько раз видел её, разве что в другом ракурсе – сверху вниз.

Ярослав перенёс тяжесть на левую руку, правую выбросил к окну, чтобы выковырять стекло. Стёкол не было. И деревянной рамы не было. Ровная гладкая поверхность. Живую, движущуюся картинку будто нарисовали на ней.

Не желая поверить в это, он ударил кулаком. Поверхность спружинила, оттолкнула. Зарычав, замахнулся и саданул снова, вложив всю силу. Толкнуло так, что он не удержался на подоконнике, опрокинулся вниз.

– Что там?! – испуганно воскликнула Злата.

Ярослав не ответил. Из темноты под потолком пещеры на них смотрели два круглых жёлтых глаза. Приманка сработала. Ночные мотыльки летят на свет лампы, человечки ползут на свет своего мира.

Девушка тоже увидела. Заскулила, попыталась карабкаться на стену, обламывая ногти и соскальзывая. Ярослав ни-

чем не мог ей помочь. И себе не мог.

– Стой! Там выхода нет! – вдруг послышался громкий шёпот. – Сюда, быстрее!

В пяти метрах справа от них, там, где кирпичная кладка заканчивалась, в стене возникло чёрное отверстие, оттуда выпала верёвочная лестница. Не раздумывая, Ярослав подтолкнул к ней девушку.

Разглядеть спасителя они смогли, лишь поднявшись сначала по верёвочной лестнице, затем – по деревянной, ведущей из подвала в сенцы дома. Это был худощавый старик в заметно поношенной одежде с то ли седыми, то ли пегими волосами и высоким лбом, переходящим в залысины. В руках он держал свечу, – весьма кстати, учитывая, что окна в доме были плотно закрыты ставнями.

– Повезло вам, что она сонная и сытая, – сообщил незнакомец, проведя их из сеней в неприятно обставленную комнату.

– Кто «она»? – переспросил Ярослав.

– Арахна, – ответил старик так, будто это слово хоть что-то объясняло. Подошёл к столу, зажёл свечи в подсвечнике, кивнул на стоявшие вокруг стулья. – Присаживайтесь.

– Вы можете сказать, что это за место? – неожиданно спросила Злата.

– Легко. Обратная сторона нашего мира.

– Что? Это... Ад? – Голос девушки задрожал, но она про-

должила: – Мы умерли?

Старик улыбнулся ей.

– Раз задаёте вопросы, то пока не умерли. И если это Ад, то наш мир следует считать Раем? Вряд ли. Предки умели точнее подбирать название. Это Навь. Или Нагваль, если вам ближе эзотерические опыты Кастанеды. Я же называю его попросту – Изнанка. – Он внимательно оглядел гостей, поинтересовался: – Давно здесь бродите?

– Порядочно, – подтвердил Ярослав, усаживаясь на стул. Сколько времени они пробыли в этом месте? Не только сигнал отсутствовал. Смартфон, вроде бы исправный, отказывался отсчитывать время.

– Ничего, отдохнёте, в доме безопасно. Проголодались, наверное? Я сейчас обед подогрею.

– Мне бы лучше попить, – возразила Злата. – И помыться не помешает. Где у вас можно принять душ?

Старик развёл руками.

– Увы, водопровода и электричества нет. Но в умывальне, – вон та дверь, – стоит ведро воды и тазик.

Девушка ошарашенно уставилась на него, перевела взгляд на Ярослава. После недолгого раздумья пожала плечами, ушла. Хозяин тоже исчез за дверью, ведущей на кухню. Вскоре из умывальника донёсся плеск, из кухни потянуло ароматом жареного мяса.

Старик вернулся первым. Принёс две тарелки с вилками, графин воды, стаканы.

– Я уже пообедал, – сообщил. – Посижу рядом с вами.

– Извините, мы не познакомились. Как нам вас называть?

– Имена в этом мире ничего не значат. Но если хотите, зовите меня Некромантом. Нет-нет, с мёртвыми я не разговариваю. Но я достаточно долго изучал так называемые «тёмные ритуалы», открывающие врата между нашим миром и Изнанкой. В конце концов мне удалось повторить один из них. И вот я здесь, как видите.

Ярослав приподнял бровь, но переспрашивать не стал.

– Кажется, я понял, – произнёс. – Это место, где реализуются человеческие страхи. Все эти чудовища – суть порождения нашего подсознательного...

Он не договорил, смех старика оборвал его.

– Какой вопиющий, я бы сказал махровый, антропоцентризм! Всё с точностью до наоборот, друг мой. Человеческие страхи – порождения этого мира, его отражение в Яви. Твари, которых вы видели, живее, чем мы с вами. Один неверный шаг, и... – Он внезапно вскочил. – Мясо подгорит!

Злата как раз вышла из умывальни, когда старик принёс и водрузил на стол миску.

– Ничего другого предложить не могу, – извинился. – Это единственная съедобная для человека пища здесь.

Девушка покривилась, но вилку взяла. Ярослав тоже не допытывался, какие навьи зверушки пошли на жаркое. Достаточно того, что вкус у мяса вполне приемлемый. Не жёсткое, в меру прожаренное, а недостаток соли заменяли ка-

кие-то специи, оставляющие едва уловимое лимонное послевкусие. Проглотив первый кусок, он понял, насколько голоден. Лишь когда миска опустела на две трети, спросил у Некроманта:

– Вы можете больше рассказать об этом месте? Этот дом, посёлок, – откуда они? И... те люди внизу?

– Извольте, расскажу. Тёмные ритуалы не придуманы, они родились из понимания сути взаимосвязи миров. Например, этот посёлок когда-то сгорел во время лесного пожара. Он считался заброшенным, хоть в нём ещё жили шесть стариков. Они погибли страшной смертью в огне, – такой себе естественный тёмный ритуал. В итоге посёлок провалился в Изнанку. Что касается добычи Арахны... Иногда в грани между мирами возникают «промоины». Твари чувствуют, где и когда они появляются, и пользуются этим для охоты. Увы, мы, люди, такой способности лишены.

– Но вы же колдун, некромант! – воскликнула девушка. – Вы же выведете нас отсюда?

Старик внимательно посмотрел на неё.

– Мои ритуалы в Изнанке не действуют. Но теперь нас трое, и я что-нибудь придумаю. Для начала вам надо отдохнуть, восстановить силы. В доме есть спальня с большой кроватью, можете воспользоваться. Я всё равно сплю в кабинете.

Кровать в самом деле оказалась довольно широкой полуторкой. От постели шёл лёгкий запах гари, но выглядела она

вполне чистой. Во всяком случае, при свечном освещении. Злата, не стесняясь присутствия мужчины, стянула штанишки-капри, сняла блузку. Ярослав покосился на неё, уточнил:

– Вдвоём на кровати поместимся или мне на полу укладываться?

Девушка фыркнула.

– Поместимся. Но если ты рассчитывал на секс, то сегодня я – пас. Настроения нет.

На секс Ярослав как раз не «рассчитывал», наоборот. Хотел наконец-то спокойно обмозговать собранную информацию: Изнанка, ритуалы, твари... Однако усталость, перипетии дня и сытный протеиновый обед-ужин внесли коррективы. Сам не заметил, как заснул. А проснулся оттого, что его настойчиво трясли за плечо.

– Ярик, принеси мне стаканчик воды, пожалуйста! – жалобно попросила соседка.

– Ярослав, – буркнул он, напоминая.

Покряхтел, встал. Зажёг свечу, босиком, в одних трусах пошлёпал в гостиную. Увы, надежды не оправдались, Некромант убрал со стола всё, включая графин. Пришлось идти на кухню.

Здесь тоже обставлено было по-простому: стол, табурет, полки и шкафчики на стенах, деревянная печь, у противоположной стены – буфет. Ярослав поднял свечу повыше, пытаясь сообразить, где хозяин держит воду. Взгляд зацепился за мусорное ведро в углу за печкой. Что должно лежать в

мусорном ведре, если на кухне готовят только мясо? Ясное дело – кости! Именно они там и были. И ещё – отрубленная по щиколотку ступня с розовым лаком на ногтях.

Ярослав резко обернулся, ощутив взгляд на затылке. В дверях кухни стоял Некромант, тоже со свечой в руке. Открыл было рот, желая что-то сказать, но не успел. Ярослав схватил с полки мясницкий нож, подскочил к старику, сгрёб в кулак ворот рубахи, тряхнул:

– Жаркое, говоришь? Из людей? И нас в ловушку решил заманить?

Некромант покосился на лезвие ножа, играющего перед его лицом, просипел:

– Не заманил, а вытащил вас из ловушки! Мясо – да, человечина. Это добыча Арахны, она запасливая и тупая, не помнит, скольких впрок заготовила. А им какая уже разница, кто их съест? Давай, убей меня, отплати злом за добро. В этом мире так и положено. Примешь его правила, навсегда в Изнанке останешься.

Он не пытался вырваться, смотрел вызывающе. Ярослав помедлил, убрал нож, отпустил ворот старика.

– Рассказывай, – потребовал. – Что ты знаешь об этом мире? Зачем спас нас, «доброе дело» сделал?

Некромант рассказал. Он не случайно называл этот мир «изнанкой». Явь и Навь – две стороны одного целого, связанные круговоротом нематериальной субстанции, которое человечество привыкло обозначать словами «зло» и «добро».

На одной приходящее с Изнанки зло обращалось в добро, на другой – наоборот. Это превращение питало двойственный мир со времён его творения. Так было, так есть, так должно быть. Но теперь равновесие нарушено, зло накапливается. Подобно кислоте, разъедает грань между мирами, и в образовавшиеся бреши его проникает всё больше.

– Я пришёл сюда найти причину. Не стану рассказывать, что я совершил ради этого. Зло, большое зло. Но чтобы вернуться, нужен светлый ритуал, друг мой. Нужно делать добро, оно яд и кислота для этой стороны мира, как зло для нашей. Я помогаю вам, вы помогаете мне. Ты согласен?

Помедлив, Ярослав кивнул. Спыхватился, спросил:

– Ты говорил о причине. Ты её нашёл?

– Разумеется.

У Некроманта они провели три дня. Как тот отсчитывает время, Ярослав не понял, просто подчинился установленному хозяином распорядку. Старик большую часть времени проводил, запершись в кабинете, или вовсе покидал дом. При этом гостям не позволял и носа за дверь высунуть, объясняя, что это помешает ритуалу. Верить ему на слово было нелегко, но Ярослав старался, – раз уж пообещал. Единственное, в чём не смог себя пересилить – есть стряпню Некроманта. Сослался на расстройство желудка, оздоровительную голодовку, – хозяин не настаивал. Злата о происхождении мяса не знала, поэтому уплетала за обе щёки. Во-

просы добра и зла её мучали куда меньше, чем отсутствие водопровода и электричества.

Некромант разбудил их среди ночи.

– К ритуалу всё готово. Идём! – поторопил.

Однако повёл не к входной двери, – по лестнице на чердак. А когда открыл чердачное окно, оттуда хлынул яркий свет, заставив зажмурить отвыкшие от него глаза.

В небесах Нави солнца не было, но сейчас они сами сияли не менее ярко. И под этими сияющими небесами не было ни дома, ни посёлка, ни горелого леса. Люди стояли посреди ровной как стол пустыни, в середине начертанной на земле пентаграммы. Нет, не пентаграммы – двух пересекающихся треугольников, образующих шестиконечную звезду, в углах которой располагались сложенные из камней пирамидки.

Некромант направился к одной, на ходу развязывая мешок, прихваченный из дому. Ярославу понадобилось время, чтобы сообразить, что он извлёк оттуда и водрузил на постамент. Старик переходил от пирамиды к пирамиде не кратчайшим путём, каждый раз возвращался в середину звезды, будто вырисовывал её лучи. Наверное, это часть ритуала? Ничего зловещего не было в расставляемых предметах. Обыденные вещи: подсвечник, графин, детская кукла, кухонный нож, книга с порванным корешком, ночной горшок.

Вернувшись к спутникам в последний раз, Некромант распорядился:

– Не двигайтесь. Что бы не увидели, что бы не происхо-

дило!

Воздух над пирамидами заструился в лучах несуществующего солнца. Блики обретали форму и плотность. Тени людей, чьи жизни некогда были связаны с этими предметами. Не тени – зеркальные отражения.

Стоявшая за спиной Ярослава Злата испуганно ойкнула.

– Не бойся, они не настоящие, – успокоил он ей.

– Не они. Там, дальше! Да оглянись же!

Ярослав оглянулся. Он узнал тварь сразу, хоть выглядела та иначе, чем при первой встрече. Во всяком случае, передняя её часть: карикатурное подобие человеческого торса, шестирукое, плосколицее, с синими то ли червями, то ли змейками вместо волос. Зато задняя не изменилась, – закованный в сизую чешую десятиметровый хвост. И как же быстро она двигалась! Не ползла, а скользила, выписывая хвостом зигзаги.

– Нага. Почуяла добычу, – пробормотал Некромант. В голосе его звучала досада. Приказал: – Оставайтесь на месте, пока ворота не откроются полностью. Потом по моей команде – бегом в наш мир! Там у здешних тварей настоящей плоти нет, даже в привратном круге она уязвимой станет. И не смотрите на неё. Ваш страх – её сила!

Ярослав подчинился. Отвернулся, сжал зубы, не позволяя ужасу затопить сознание. Человеческие силуэты в лучах звезды больше не струились. Серебристые лица смотрели на путников испуганно, озадаченно. Словно спрашивали, зачем

их призвали в это жуткое место. Мир за их спинами подёрнулся рябью, сквозь него проступили цветные пятна.

– Мамочки, не надо, не надо... – забормотала Злата. – Съешь их, пожалуйста...

– Бегом! – рявкнул Некромант.

Ярослав рванулся вперёд как пушечное ядро. Ударился грудью о невидимую преграду, в ушах зазвенело, серость Нави разлетелась невесомыми брызгами. И тут его догнал отчаянный женский вопль. Короткий, захлебнувшийся хрипом. Он обернулся, останавливаясь.

Зеркальные фигуры исчезли, Нага возвышалась посреди звезды. На брюхе её, там, где псевдочеловеческое тело переходило в змеиное, разверзлась дыра – безгубая, беззубая пасть. Шесть рук крепко держали девушку, засовывали в утробу. Голова, плечи, грудь Златы уже исчезли там. Ноги отчаянно брыкались, но силы были явно неравны. И чем глубже она погружалась, тем быстрее менялся облик твари. Девушка словно отдавала ей свою внешность.

– Чего стал? Беги! – опять заорал Некромант.

Он мчался по дороге, только пятки сверкали. Ярослав понял, где они оказались. Утреннее шоссе, лесополоса с выгоревшими проплешинами, покалеченный «ланос» в кювете и лазоревая «хонда» посреди дороги. Целёхонькая.

Он бросился к машине, плюхнулся за руль, повернул ключ. «Хонда» взревела двигателем, рванула с места в карьер. Прямоком в блеклый, бесцветный почти круг. Нага по-

вернулась, оскалилась, вскинула руки, – три пары слились в одну... Некромант не обманул, в привратном круге тварь была уязвима. Удар разорвал её на две части. Верхняя, с головой, руками и грудью отлетела в сторону. Но и машине досталось, будто не в живую плоть та врезалась, а в бетонный столб, – искорёженный двигатель заглох, отчётливо завоняло бензином.

Ярослав выбрался наружу, опустился на колени. Раздувшееся от проглоченной добычи змеиное тело застряло под днищем. Разорвало Нагу на ладонь выше брюхопасти, густая белёсая жижа вытекала из раны, заливала погружившиеся в утробу твари по щиколотку ноги девушки. Но они по-прежнему дёргались, – жива!

Ярослав схватил за ступни, потянул. Сильнее! Дёрнул, что было силы. Кроссовки остались в руках, но даже дохлая, Нага не выпускала добычу. Нож! – вспомнилось. В одном из лучей звезды лежал большой кухонный нож.

Нож никуда не делся. Ярослав подхватил его, – на миг почудилось, что пришлось отрывать от земли, точно от сильного электромагнита. Но думать об этом было некогда. Он спешил, не увидел, как открылись мёртвые глаза твари, как дрогнул кончик хвоста. Вернулся к машине, снова присел, примерился. Осторожно, чтобы не задеть девушку, вонзил клинок в чешуйчатую плоть.

Громадный хвост ударил наотмашь, отшвырнул. Искры сыпанули из глаз... бензобак «хонды» взорвался.

Должно быть, Ярослав потерял сознание на несколько секунд. Когда очнулся, снова смог видеть, привратного круга больше не было. Исчезли лазоревая «хонда» и навья тварь. Исчезли все следы недавнего взрыва. Он лежал на обочине пустынного шоссе рядом со съехавшим в кювет «ланосом».

За спиной натужно ухнул автомобильный двигатель, хлопнула дверца, окликнули:

– Парень, ты живой?

У противоположной обочины остановился грузовик. От него через дорогу спешил кряжистый мужик в джинсовых шортах до колен и клетчатой рубаше.

Ярослав сел, кивнул.

– Ну и утречко сегодня! – посетовал водила. – Авария на аварии. Вон, за поворотом деда какого-то сбили. Может, сумасшедший или пьяный, не знаю. Прямо посреди дороги бежал. Плохой день.

Ярославу вдруг вспомнились последние слова Некроманта в их разговоре три дня назад. «Это люди нарушили равновесие. Творить добро из зла, – предназначение, с которым мы не справились. Чем всё закончится? Не хочу знать!»

– Плохой, – согласился Ярослав.

В парке было по-утреннему свежо и тихо. Главное – безлюдно. Катерина любила эти пробежки наедине с собой и музыкой. Никто не достаёт, не капаёт на нервы. Хотя бы полчаса счастья.

В зарослях сирени справа от дорожки зашуршало. На лужайку выкатился рыжий мопс. Следом из-за кустов вышла хозяйка, женщина из соседнего подъезда. Узнала бегунью, помахала рукой.

Катерина не ответила – утро только для неё! На ближайшей развилке свернула на боковую дорожку. Сделала два шага и едва не споткнулась. Внизу живота разлилась противная слабость, ноги стали ватными. Прямо перед ней сидело... Подобное существо могло родиться разве что в большой фантазии режиссёра фильмов ужасов. Головы и верхних конечностей у него не было. Две пары человеческих ног срослись обрубками спин, и прямо оттуда торчал веер длинных гибких жгутиков с глазными яблоками на концах. Все глаза смотрели на неё.

Катерина зажмурилась, тряхнула головой. Вновь подняла веки, выдохнула облегчённо. Привидится же такое! Всего лишь молодая женщина присела, чтобы подтянуть шнурки. Такая же бегунья, как она. В таких же кроссовках, спортивных трусах, майке.

Незнакомка выпрямилась, пошла навстречу. И Катерина сделала несколько шагов, чувствуя, как вновь начинает слабеть живот. Не только одежда показалась знакомой. Она словно смотрела в зеркало. Не узнала себя сразу из-за волос. У отражения были они не насыщенно-каштановыми, а бледными, платиновыми.

Они остановились в полуметре друг от друга. Незнакомка

протянула руку, и Катерина без слов поняла, чего та хочет, отдала плеер. Платинововолосая воткнула наушники в уши, вслушалась в мелодию. Лицо её тронула улыбка – болезненная, неумелая.

– Что... у тебя с волосами? – Катерина сама не поняла, зачем это спросила. Более дурацкого вопроса не придумаешь.

Незнакомка оттянула прядь, осмотрела. Качнула головой, – не порядок, мол. Снова протянула руку, коснулась волос Катерины. Осторожно, почти нежно провела по ним пальцами. И внезапно обхватила затылок, резко дёрнула к себе. Нет, Катерина не ударилась об неё, даже не шелохнулась. Отражение соединилось с оригиналом куда быстрее, чем человек способен двигаться.

Молодая женщина глубоко вдохнула, выдохнула. Улыбнулась, теперь вполне естественно. И побежала дальше, подстраивая шаги под ритм музыки. Этот изнаночный мир нравился ей с каждой минутой больше.

Тар Саргассов

Люди и то, что от них остаётся

Однажды в разгар рабочего дня Толя Сомов осознал, что находится в окружении пяти тысяч ста тридцати двух мертвецов.

Само число Толю не удивило – удивило, как эта информация вообще оказалась в голове и откуда взялась уверенность, что число это – правильное. Позже он прикинул на калькуляторе: действительно, похоже на правду. Толя работал кладовщиком на маленькой оптовой фирме, торговали куриной продукцией глубокой заморозки.

Технически, рассуждал педантичный Толя, расфасованные отдельно окорочка, филе и крылья – тоже части куриц. Их почему-то странное озарение не учло, посчитало только тушки. Но больше Толя думал о том, что же за откровение его посетило.

На этом чудеса не закончились. На следующий день Толя стал видеть точный вес того, что ещё только собирался взвешивать. Иногда он этот вес предвидел, иногда нет, но когда предвидение включалось, оно не ошибалось. Способность держалась дня три, потом пропала.

А как-то вечером, дома... Толя с женой Алёной ужинали на кухне в своей съёмной квартире. Молча жевали, Толя читал газету, Алёна журнал, оба устали, разговаривать не хоте-

лось. Толя отложил себе, к яичнице и макаронам, изрядную долю печёночного паштета из общей тарелки. Алёна подняла глаза и шутливо погрозила вилкой.

«Что? – хотел сказать Толя. – Паштета ты съела семьдесят один и три десятых процента». Только чудом успел остановиться, удержал слова на кончике языка. И представил, как бы они прозвучали в тишине их маленькой кухни. Особенно впечатлили бы Алёнку десятые доли процента, подумал Толя. Хотя голову готов был дать на отсечение: проценты точны, как в аптеке.

Эти три дня показались Толе светлым пятном в череде серых складских будней. Несколько раз он даже увидел, сколько весят проходившие мимо люди. А однажды, когда его работодатель Василий Лосев привёз товар и помогал с выгрузкой, Толя вдруг подумал: «С начала года Вася прибавил четыре килограмма двести пятьдесят граммов». И снова подивился, откуда приходят все эти знания.

Толя был единственным работником предпринимателя Лосева, тот арендовал на комбинате небольшую морозильную камеру и маленький пошарпанный кабинет. Вася целый день развозил товар по торговым точкам города и пригорода, а Толя дежурил на складе, иногда продавая что-то на месте. Лосев доверял Толе, и тот не подводил. В целом они были довольны друг другом. Правда, обороты размахом не поражали. Бухгалтерию Васину вела жена, симпатичная полная хохотушка. Иногда Лосев говорил, что хорошо бы на-

нять водителя-экспедитора, а ещё грузчика в помощь Толе, но, видимо, доходы пока не позволяли.

Морозильные камеры, а также сухие склады и комнаты под офисы на комбинате арендовали несколько разного калибра предпринимателей и фирм. Из фирм выделялись две крупные, одна торговала мороженой рыбой, другая бакалейей. За десять с лишним лет, что прошли с развала Союза, комбинат ни разу не ремонтировался, а из оставшегося собственники выжимали все соки. Попав сюда впервые, Толя ужаснулся дряхлости этих развалин, потом ничего, привык. Арендаторы у комбината не переводились, в городе с низкотемпературными площадями было туго.

Итак, прошло три дня, озарённых для Толи внезапной суперспособностью. Было страшновато, но при всём при том довольно весело. Толя никому ничего не рассказывал и лишь гадал, откуда оно всё взялось. Молнии в него не били, головой он, кажется, не ударялся, никакие весовщики-оборотни его не кусали.

А потом веселье закончилось.

Первый кошмар приснился Толе на третью ночь, как начались вышеописанные чудеса. Такого с ним ещё не случилось. Если раньше ему и снилось что-то, похожее на кошмар, он или сразу просыпался, или наблюдал за происходящим как бы со стороны, и выходило больше увлекательно, чем страшно.

Но теперь... Теперь было совсем по-другому.

Толе приснилось, что он идёт на работу. Идёт пешком. И оказывается на высокой горе, хотя никаких гор в тех местах нет. Пейзаж внизу играет причудливыми красками. Город предстаёт совсем не таким, как в жизни. Сверкают колоннами дворцы, вдали тянутся к облакам небоскрёбы, среди зелени проглядывают высокие памятники. Толя видит внизу комбинат. Вернее, он понимает, что это комбинат, а видит совсем другое.

Вместо трёхэтажного серого здания с дырявой крышей и облупленными стенами в прямоугольнике забора вздымается и шевелится нечто трудноописуемое. Мясистая живая масса подрагивает и пульсирует, десятки красноватых отростков, щупалец и присосок шарят по земле и в воздухе, а в середине поблёскивает большой белый глаз. Толя понимает, что монстр его увидел. Страшно и противно, но Толя спускается с горы и идёт к чудовищу. Минует проходную и направляется к рабочему месту. Спрута уже нет, всё вокруг знакомо и привычно, но Толя знает: чудовище здесь. И всё же покорно заходит в морозильную камеру и обречённо ждёт. Мороженые куры в картонных паках начинают шевелиться, шуршать, пищать, их крик постепенно нарастает и в конце концов переходит в раздирающий душу визг...

И тогда большая, серая, в пятнах и разводах штукатурки, в наростах инея стена вздрагивает, и оттуда выползает оно. Багровые щупальца и отростки, извиваясь, занимают

всё свободное пространство. Огромный пульсирующий глаз чудовища в упор смотрит на Толю, и тот не может сдвинуться с места. Толстое щупальце тянется к нему, обвивает и тащит в чавкающую пасть. Пасть принимает жертву и медленно заглатывает. Сопrotивляться не выходит – Толя не может даже пошевелиться. Тело его дёргается в прозрачном желе и постепенно переваривается, растворяется. Толя ощущает этот распад, своё исчезновение. Кажется, это длится бесконечно, но вот Толя превращается в ничто и летит в тёмную бездну. И лишь тогда просыпается.

Мокрый от холодного пота и дрожащий, Толя сел на кровати и какое-то время приходил в себя. Потом побрёл в ванную и долго умывался. Всё казалось, что на лице и руках осталась прозрачная слизь.

Потом долго не ложился – сидел на кухне, пил чай, пытался читать. Честно говоря, он просто боялся засыпать. В постель пошёл, когда рассвело и до сигнала будильника оставалось чуть больше часа.

Кошмар повторился и на вторую ночь, и на третью. Уже в начале сна Толя знал, что его ждёт дальше, но от знания этого легче не было, скорее наоборот. И проснуться вовремя получалось не всегда. Алёна жаловалась, что он мечется и мешает спать.

Толя понятия не имел, что делать. Ночью он боялся спать, а на работе – Толя поймал себя на этом, – чтобы просто зай-

ти в морозильную камеру, особенно вечером, приходилось собирать в кулак всю волю. Стало казаться, что с большой стеной, из которой во сне вылезал монстр, творится неладное. Чудилось какое-то движение. Толя резко поворачивался – и обнаруживал обычную облупленную, покрытую инеем стену. Как назло, в эти дни Лосев привозил и привозил товар – обещали подорожание, и он по возможности запасался. Толе приходилось разгружаться, когда комбинат уже пустел, только хмельной сторож дремал в будке у шлагбаума. В камере, перекладывая паки с тележки на поддон, Толя чувствовал, как по затылку бегут мурашки. Спиной к стене старался не поворачиваться.

На четвёртый день не выдержал и сбежал в больницу. Там работала знакомая, мама одноклассника. Она отвела к специалисту. Толя пожаловался на нарушение сна, описал своё состояние – без подробностей. Врач сказал: похоже на небольшое тревожное расстройство. Посоветовал отдохнуть недели две-три, что было неосуществимо, и выписал лекарства, которые никак не помогли.

Жизнь превратилась в сплошное мучение. На работе Толя боялся заходить в склад, вечера ждал с тоскливой обречённостью, ночью не мог нормально выспаться. Засыпал – и начинался всё тот же сон. С невероятным усилием просыпался – научился, слава богу, – долго лежал, потом опять засыпал, снова попадал в кошмар, просыпался, и так по кругу. Нормально спал часа полтора, когда уже рассветало.

Толя никому ничего не говорил, опасаясь, как бы его не посчитали психом.

* * *

Когда однажды вечером Толя увидел в складе привидение, то почти не удивился.

Дело было так. Толя завёз в морозильную камеру тележку с паками и положил на пол поддон. А когда выпрямился, из большой стены выплыл полупрозрачный бородастый старик в фуфайке и шапке-ушанке. Что-то бормоча себе под нос, он медленно проплыл через камеру и скрылся в противоположной стене.

Спотыкаясь и обгоняя сам себя, Толя выскочил на улицу. В небе мерцали звёзды. За забором буднично прошелестел автомобиль. Толя схватил с подоконника бутылку минералки и сделал несколько судорожных глотков. Плеснул на ладонь, протёр лицо и немного пришёл в себя. Тогда он заскочил в коридор, захлопнул дверь склада и защёлкнул навесной замок. Потом быстро вышел на эстакаду. Всё его существо было пронизано одним желанием – бежать отсюда как можно быстрее и как можно дальше. На ходу снимая куртку, Толя поспешил к раздевалке и вдруг резко остановился. Где-то в недрах души шевельнулась, а потом заворочалась и прорвалась наружу неожиданная, искренняя, сильнейшая злость.

Да сколько можно?! Куда бежать? Надо выяснить прямо сейчас, раз и навсегда, где кроется проблема – в окружающем мире или в голове.

Толя порывисто залетел в коридор и открыл склад. Ворвавшись в камеру, остановился у входа и яростно оглядел помещение. Там никого не было. Шагнул посмотреть за колонной и застыл: призрак вылетел из стены и, не обращая на Толю внимания, поплыл через камеру. Его прозрачные валенки двигались в метре от пола.

– Ты кто, мать твою, такой?! – заорал Толя.

Призрачный старик дёрнулся, обернулся, испуганно вскрикнул и стремглав скрылся в стене. Толя удивлённо посмотрел ему вслед.

«Ага, боитесь! – с удовлетворением подумал он. – Ну и пошли вы».

Направился к тачке и нарочито не спеша переложил пакки на поддон, а потом собрал разбросанные по камере куски картона. Положил картон на тачку и покатил к выходу.

– Молодой человек! – услышал Толя за спиной и по голосу догадался, кто это может быть.

Резко обернулся. На расстоянии шести шагов в воздухе покачивался прозрачный старикан.

– Вы интересовались, кто я, – произнёс он. – Отвечаю: я Сергей Михайлович Соловьёв, можно просто Михалыч. Работал кладовщиком, товароведом, начальником цеха. Скончался в тысяча девятьсот девяносто четвёртом году

от сердечного приступа.

Толя переступил с ноги на ногу и поправил шапку.

– А я Толик Сомов, – сказал он, подумал и добавил: – Вы извините, что я...

– Ничего, – усмехнулся призрачный Михалыч. – Пойдём, выпьем за знакомство.

«Обалдеть, – подумал Толя, – здесь и призраки пьют».

В круглосуточный магазин бежать не пришлось: Михалыч сказал, что в неработающем умывальнике, на потолочной нише, имеется недопитая бутылка водки. Её туда сунул водитель с бакалеи, как раз перед тем, как уволили. А в другом месте оказалась кем-то украденная и спрятанная пачка сыра. Срок годности давно вышел, сыр подсох, но в вакуумной упаковке неплохо сохранился и на вкус оказался вполне съедобным.

Первые полстакана зашли Толе образцово. Это было как раз то, в чём он остро нуждался. Дальше наливал себе по чуть-чуть. Полстакана Михалыча стояли нетронутые. Призрак часто наклонял к стакану лицо и блаженно шевелил ноздрями, но это было самовнушение, он сам сказал, что ни пить, ни даже вдыхать запахи не способен.

Михалыч безостановочно рассказывал о том, как работал на комбинате, как жилось в советское время и потом, после развала Союза. Короче, он рассказывал о жизни. Толя, конечно, хотел бы услышать что-нибудь не о жизни, а совсем

наоборот, но перебивать увлѣкшегося воспоминаниями Михалыча было неудобно. Наконец чуть захмелевший Толя решился, и, когда призрак влез носом в стакан и закрыл глаза, спросил:

– А вы как это?... Вообще... Ну...

Как ни странно, Михалыч понял, что Толя имеет в виду.

– Ох, давай об этом... потом, – махнул он прозрачной рукой.

Толя кивнул: потом так потом.

– Я ведь последний раз вот так с человеком за одним столом сидел аж в девяносто восьмом... – вздохнул призрак. – Работал тут парень один в бригаде грузчиков, Эдик. Тоже мог меня видеть. После уволился, в бандиты пошёл. Ну и убили через полгода... Потом приходил ко мне прощаться, под конвоем. – Михалыч нахмурился. – Тех конвойных ещё раз увидеть, не дай... этот самый...

Михалыч замолчал. Толя тоже ничего не говорил.

– А ты что же, – прищурился призрак, – тоже на тот свет, в смысле, сюда, к нам, собираешься?

Толя на тот свет не собирался, но если всё будет продолжаться в том же ключе... Он подумал и решил, что с таким собеседником, как Михалыч, можно быть полностью откровенным. И рассказал своему прозрачному собутыльнику всё, без утайки.

Услышав, какой именно сон лишил Толю душевного покоя, Михалыч вскинул брови:

– Так ты, что ли, этот... – Он подался немного вперёд. – Честный?

Толя поставил стакан, посмотрел в прозрачное лицо и пожал плечами.

Да, Толя был честным кладовщиком. Честным по-настоящему, можно сказать – скрупулёзно. К такой жизни он пришёл не сразу. Разное случалось...

Как-то – теперь было очень стыдно вспоминать – Толя потерял достаточно неплохую работу. Больше месяца просидел он тогда дома. Времени хватило на то, чтобы осмыслить жизнь, заглянуть внутрь себя. На новую работу, в большой оптовый рыбный склад, устроился новый Толя, бескомпромиссно честный.

А через три недели этот новый Толя однажды замер, застыл со специальным металлическим штырём в руке, внезапно мысленно увидев себя со стороны. Он сидел над раскрытой рыбной коробкой и, воровато озираясь, орудовал штырём, а на полу лежали две скумбрии, украденные у будущего покупателя этой самой коробки. Как же так, подумал Толя. Месяца не прошло со дня масштабного душевного сдвига, и вот, как говорится, картина маслом.

Тогда всё на самом деле обстояло не так безобразно, как выглядело со стороны. Надёргать к Новому году скумбрии предложил самый опытный из грузчиков, дядя Слава, кладовщика быстро уломали, и бригада с энтузиазмом бросилась эту идею воплощать. Все так обрадовались, что Толе да-

же и в голову не пришло выступить против, тем более, он в бригаде был человек новый. А как будет выглядеть, если он один откажется, Толя прекрасно понимал.

Смягчающими обстоятельствами Толя себя почти не оправдывал. Он был в некотором смысле максималист. Ведь и месяца не прошло, с горькой усмешкой думал Толя, надевая тесёмки обратно на пак. Поднял за хвосты красивую увесистую рыбу и ощутил стыдную радость обладания добычей. Меньше месяца, снова подумал Толя. А как за годы жизнь может согнуть, и сгибает?...

«Не меня!» – решил он тогда. Скумбрию таки забрал, отвёз потом матери. А в конце января, узнав, что арендатору Лосеву требуется кладовщик, поговорил с ним, и тот его принял. Бывшие коллеги – грузчики с рыбы – были уверены, что Толя отхватил очень прибыльное место. Действительно, при желании и некоторой смекалке подворовывать и «играть» с весами можно даже при мизерных оборотах Лосева. Иногда кто-то спрашивал: ну, как, мол, получается? Толя многозначительно шурился, и собеседники понимающе кивали, умолкали завистливо.

– Честный... – Михалыч задумался.

Мимо окна по эстакаде прошёл сторож Гадюкин, следом протрусила собака Монтана.

– Если честный, – продолжил Михалыч, – то лучше тебе, братец, с комбината уходить на фиг. Это, знаешь ли, такое место... Не для этих самых.

Толя сгрёб в кучку рассыпанные по столу крошки.

– Мне некуда идти...

Это было правдой. Одной зарплаты Алёны хватило бы только на то, чтобы платить за квартиру. Сбережений нет, родители помочь не могли. Возвращаться в Посёлок? Это вообще не вариант.

Привидение Сергея Михайловича Соловьёва мрачно выслушало грустный Толин рассказ.

– Ты не понимаешь, – сказал призрак. – Ладно, я попробую узнать у наших, как там чего. Встретимся завтра, после захода солнца.

Толя увиделся с Михалычем на следующий вечер. Но и день выдался щедрым на события.

Во-первых, Толе предложили дополнительный заработок. К нему заехал одноклассник, Петя Жук. Многие Толины одноклассники работали здесь, в Облцентре. Петя знал, где именно трудится Толя Сомов. Петин родной дядя держал оптовую базу продуктов, у этого дяди часто закупался и сам Лосев. Петя предложил привозить кур, чтобы Толя, возмещающая у себя на складе часть уже проданного товара, разницу клал в карман.

– Звони, и через полчаса я у тебя с грузом, – пел ему Жук. – А то ведь что получается? Вкалываешь тут грузчиком... Обидно за тебя. Должна же быть какая-то отдача.

– Я кладовщик, – сказал Толя.

Жук скривился, махнул рукой. Толя не стал спорить, пообещал, что подумает.

Наконец-то нормальное искушение, улыбался потом про себя. А то пока на его счету были только проигнорированные возможности воровать из паков окорочка да обвешивать редких покупателей. Толя подсчитал: если скрывать от Лосева треть продаж, наварить можно почти столько же, сколько платил ему Вася. Хотел отказаться сразу, потом подумал: такие деньги... Может, на время отступить от принципов и покрутить левак? Пару месяцев, а потом можно уволиться с проклятого комбината и спокойно искать работу, не переживая, что не на что жить.

Он много раз мысленно возвращался к этому варианту.

А во-вторых, Толю пригласили на работу. Один предприниматель, Андрей Жабченко – Толя знал его, когда ещё работал на рыбе – зашёл в кабинетик во второй половине дня и спросил, как жизнь. Он был ненамного старше Толи. Без долгих предисловий Андрей рассказал, что ищет себе в работники надёжного и толкового человека.

– Сколько ты тут получаешь? – спросил он с непосредственностью потомственного торговца.

Толя сказал.

– Да, не балует Лось, – ухмыльнулся Андрей. – Совсем в чёрном теле держит.

Он сообщил, что открывает склад на Новом рынке и хотел бы видеть там кладовщиком именно Толю. Зарплату пред-

ложил в полтора раза больше.

– Сразу возьмём тебе грузчика, – заявил Андрей. – Сам выберешь из тех, что придут по объявлению.

Толя записал номер и пообещал, что даст ответ в ближайшее время, но сразу понял, что работать у Жабченко не будет. Ненадёжный он, подловатый. Толя представил, что придётся зависеть от этого человека, каждый день смотреть в его сытое самодовольное лицо... Нет, это будет похуже спрута из ночных кошмаров.

То, что эти два предложения возникли вот так, в один день, как по заказу, заставило Толю задуматься.

Вечером появился Михалыч, лицом мрачнее тучи.

– Новости у меня, братан, совсем плохие. Всё ещё хуже, чем я ожидал.

По его мнению, Толе нужно бежать отсюда куда глаза глядят.

– Да какая, на хрен, квартплата?! – кричал призрак на возражения Толи. – Тебе спастись надо, дурило! Ты не представляешь, что это за место. Таким, как ты, здесь жизни нет. В прямом смысле... Тут ещё с советских времён, – он понизил голос, – просто геноцид. Это не выходило наружу, удавалось замять... А в девяностых – так вообще, тогда никому ни до чего дела не было. А я не понимал, думал, везде так.

Призрак подлетел к Толе вплотную.

– Но и сейчас лучше не стало. Беги отсюда, послушай умного совета.

Толя посмотрел в прозрачное лицо.

– Я же говорил: мне некуда идти. Посоветуйте лучше, как мне быть, чтобы спокойно работать здесь. Я же не делаю никому ничего плохого. Почему я должен отсюда бежать?

Толя, вообще говоря, не очень поверил словам призрака, как-то не проникся.

– Не делаешь плохого, – нахмурился Михалыч, – так тебе сделают... Говорю же: место такое.

Он махнул рукой.

– Хорошо, я ещё подумаю, – сказал Толя. – Но идти мне действительно некуда.

– Да понял я уже, итить-колотить, – проворчал призрак. – Так и предполагал... Ладно, будем что-то думать. Этот твой сон... Веры Павловны... Постарайся хоть запомнить его. Да в подробностях! Снится-то оно тебе неспроста.

Ночью Толя снова смотрел на извивающегося спрута с вершины несуществующей горы. На третий раз удалось не проснуться, несколько раз он даже осознавал себя во сне, старался высмотреть что-то полезное, а в конце, как всегда, чудовище его проглотило. Снова вскочил с колотящимся сердцем и в холодном поту. Казалось, зловоние спрута пропитало тело насквозь, привыкнуть к этому было невозможно. Ничего такого, о чём можно рассказать Михалычу, Толя не заметил.

На следующий день Толя обдумал слова Михалыча.

Здесь, на комбинате, Толя работал меньше года, и уже за это время три раза случилась беда. Молодая бухгалтерша выбросилась из окна квартиры. По этому поводу болтали много чего, но что там было на самом деле, толком никто не знал. Ещё погиб средних лет экспедитор – зачем-то полез в трансформаторный щит, и его убило током. А две недели назад с крыши упал подсобный рабочий. Толя слышал, он в коме и вряд ли выживет.

Ближе к обеду Толя позвонил однокласснику, Семёну Чайке. Тот работал в милиции и, говорили, был уже при высоком звании. Правда, говорили и другое. Друг и тоже одноклассник, Серёга Бобров, как-то сказал Толе:

– Если, не дай, конечно, бог, где-то встрянешь, ты лучше не говори ментам, что знаешь Семёна. Можешь сделать ещё хуже. Я слышал, коллеги его там не особо жалуют.

Несмотря на это, а также на то, что не общались уже лет десять, Толя решил позвонить. Спросил Семёна, не может ли тот узнать статистику по комбинату: преступления, самоубийства, несчастные случаи со смертельным исходом...

– Да можно попробовать, – неожиданно легко согласился Семён. – А тебе зачем?

«Да тут одно привидение обеспокоено криминогенной обстановкой», – подумал, усмехнувшись, Толя. Ответил, что родственнику предлагают должность на комбинате, а тот слышал что-то плохое и сомневается.

– Окей, сейчас напрямую практикантов, – пообещал Се-

мён. – А ты сам-то... Где, как?

– Да так, – сказал Толя. – Выживаю.

* * *

Когда стемнело, Толя встретился со своим прозрачным приятелем.

– Хреново, – скривился призрак, услышав, что никаких зацепок Толя во сне не увидел. – Но поправимо.

Михалыч рассказал, что знает средство, которое должно помочь. И что находится оно здесь, на комбинате.

На потом решили не откладывать, и привидение повело Толю на третий этаж. Дверь оказалась заперта и забита досками, помещения давно не пользовались. Рядом виднелось покрытое слоем грязи и пыли окно. Толя осветил фонариком телефона. Нужно было отогнуть гвозди и вытащить стекло.

– Можете подержать? – Толя протянул Михалычу мобильный.

Тот фыркнул:

– Могу только на хрен послать.

– Ах да, извините, – смутился Толя, никак он не мог привыкнуть, что Михалыч – не человек.

Пристроил телефон на подоконник, достал из кармана складной нож, отогнул гвозди и аккуратно вытащил стекло.

– Погаси фонарь и залазь, – сказал Михалыч. – И там,

смотри, не включай! – махнул рукой и пролетел сквозь стену.

Заглянул Толя внутрь, осветил осторожно экраном телефона, тут же услышал сдавленную ругань призрака, поспешно выключил. Лезть в непроглядную тьму не было ни малейшего желания. Засомневался: может, ну его?

– Эй, ну где ты там? – послышалось из мрака.

Была не была: Толя с опаской пролез в окно и постоял, часто моргая – привыкал к темноте. Михалыч куда-то делся. Постепенно Толя стал различать окружающее. Слева до самого потолка высились старые поддоны. Далеко впереди что-то смутно маячило: видимо, лунный свет проникал сквозь дыры в крыше.

Опасаясь наступить на гвозди и борясь с желанием включить-таки фонарик, Толя сделал несколько осторожных шагов. И вдруг совсем рядом раздалось:

– Э, стоять!

Голос был такой, что Толя присел. Что-то большое, высокое шевельнулось рядом, в тёмном углу. Казалось, сама тьма обрела форму и протягивает жадные лапы.

– Тихо, Демьян, это со мной! – послышался рядом окрик Михалыча.

Дружелюбное привидение закачалось в двух шагах. Темнота разочарованно ругнулась.

– Пошли, пошли, – услышал Толя быстрый шёпот и поспешил вперёд.

Тьма вокруг жила, что-то дышало, двигалось, скреблось.

– Слышь, Михалыч, – прошептал Толя, – может, я лучше завтра сюда залезу, а? Днём?

– Да не ссы ты, – прошептал в ответ Михалыч. – Днём здесь ничего не будет.

Он поплыл в темноту. Хочешь не хочешь, пришлось отправиться следом.

Впереди брезжил слабый свет, но очень уж он был далеко.

– Тут осторожно, – буркнул Михалыч, но Толя уже наткнулся на притаившийся в темноте старый письменный стол, заваленный картонными коробками с какими-то бумагами. Стал обходить и вдруг отпрянул – за коробками белела в темноте большая лысая голова. Она не двигалась. Толя с опаской шагнул вперёд, присматриваясь, и тихонько выругался – это был большой бюст Ленина.

Двинулся догонять Михалыча. Глаза уже привыкли к темноте. Тут и там громоздились штабеля поддонов, старые столы и шкафы, стопки кисло пахнувших деревянных ящиков. Показалось, что сквозь поддоны мелькнул свет. Выйдя из-за завала, Толя замер: в пяти метрах потрескивал костёр, а вокруг расположились тёмные фигуры. Бомжи, что ли, залезли? Пламя костра тускло мерцало во тьме, почти не давая света. Призраки это, понял Толя. Они грели руки и смотрели на огонь.

Из темноты замахал Михалыч, и Толя поспешил туда.

По пути попались ещё два костра с молчаливыми привидениями, а потом впереди послышалось ритмичное по-

щёлкивание, топот и глуховатые крики. Толя прищурился, всматриваясь, но колонна мешала увидеть, что же там творится. Тогда он подкрался к колонне и осторожно выглянул. И застыл в изумлении.

Крупная призрачная бабища в вечернем платье и сверкающих бусах, с изрядной, хоть и сильно обвисшей, грудью кружилась в диком танце. В движениях сквозило что-то цыганское. Бабища размахивала призрачными старинными счётами, костяшки щёлкали, отбивая ритм, как кастаньеты. Рядом увивались три худых призрака мужского пола неопределённого возраста. Все они чем-то походили на дядю Славу из бригады рыбаков. Потрёпанные телогрейки и обвисшие рваные штаны мелькали вокруг толстухи в неудержимом хороводе. Привидения восторженно щерили беззубые рты, бабища двигала широкой задницей, светились зелёными огоньками глаза.

– Васильевна... – прошептал призрак Михалыча. – Звезда, блин, пленительного счастья. Ох, попила она крови в своё время. Во всех смыслах...

Толя не мог оторваться от захватывающего, хоть и малопривлекательного зрелища.

– Пойдём, пойдём, – буркнул Михалыч прямо в ухо. – Насмотришься ещё.

Двинулись дальше. Толя часто оглядывался, пока не споткнулся о большущий рулон обёрточной бумаги. Под хихиканье призрачного провожатого потёр ушибленное колено,

отряхнулся. Похромал, глядя под ноги.

Приближался поворот в смежную камеру. Из-за угла доносились звуки музыки, по полу мелькали тусклые отблески. Толя с опаской подошёл, выглянул и тихо присвистнул.

Сквозь крупные дыры в кровле лились струи яркого лунного света. И под ними в помещении заброшенного склада буйствовала целая толпа призраков. Не иначе, дискотека, решил Толя. Разделившись на группки, привидения неистово плясали, кружась и размахивая руками. А между танцующими стремительно носился призрачный электропогрузчик, за рулём вертелся то ли молодой призрак, то ли человекоподобный демон. Батареи под сиденьем погрузчика не было, там, как белки в колесе, метались в ворохе искр два собачьих скелета. На крыше погрузчика восседал полноватый призрак в распахнутой телогрейке и, наявивая на баяне, орал матерные частушки.

Пляшущая толпа неистовствовала. На вилах погрузчика возвышался поддон, и на поддоне махали руками, орали и хохотали призраки. Они цеплялись друг за друга, чтобы не свалиться, при этом ещё и танцевали.

Водитель закладывал лихие виражи, танцующие на полу привидения отпрыгивали с криком и хохотом.

– Эти тебя не видят, – сказал Михалыч. – Двигай, чего застыл.

Пошли вдоль стены, обходя толпу. Призраки-мужчины носили здесь телогрейки и спецовки, но встречались и в ко-

стюмах, при галстуках, один даже в милицейской форме, старой, ещё советской. Толя прошёл совсем рядом, и тот в своём весёлом танце обязательно задел бы его локтем, если бы не был бесплотен. Женщины же все плясали нарядные, яркие, хоть и прозрачные. Вот только лица – не дай бог никому, подумал Толя. Он пробирался, едва не прижимаясь к стене, идти сквозь толпу не решился. Михалыч мимоходом поучаствовал в танце, хватанул за ягодицу какую-то прыгающую деваху, та радостно завизжала. Толя наблюдал весь этот шабаш и крался, часто останавливаясь и закрывая глаза. Михалыч улетел вперёд, его шапка мелькала среди танцующих.

Наконец Толя оказался в конце помещения. Дыр в крыше здесь не было, в этом месте царил мрак. Толя осторожно прошёл мимо дерущихся призраков: трое с криками пинали одного, тот, вертясь на полу, пытался отбиваться. В другом, самом тёмном углу, на поддонах, происходила совсем уж непристойная сцена.

Появившийся Михалыч посмотрел туда, хмыкнул и указал на ряд стеклянных банок, что стояли на полу под стеной: – Вот, бери одну.

Толя, стараясь не смотреть в угол, бережно вытащил банку. Михалыч одобрительно кивнул. Возле него, едва не задев, круто развернулся погрузчик с баянистом и гогочущей компанией.

– Осторожней, ты, итить твою налево! – беззлобно крикнул Михалыч.

Только двинулись в обратный путь, как к Михалычу подлетел высокий сутулый призрак с фингалом под глазом. Внизу живота, сбоку, из-под рваной майки выпирало что-то синеватое, большое, наверное, печень. Призрак придерживал её рукой.

– Сергей Михалыч! – заорал он. – Здорово! Как жизнь после жизни?

Михалыч остановился.

– Иди, я скоро, – шепнул он Толе и шагнул навстречу призраку, протягивая руку: – Привет-привет, Андрюха, дрын тебе в ухо!

Толя, держа пыльную банку за верх и под дно, побрёл вдоль толпы скачущих привидений. Половину бурлящей дискотеки прошёл без приключений, а потом откуда-то с лавы выскочила крупная чёрная собака. Толя узнал её: этот пёс, Блэк, жил на комбинате и скоропостижно издох от какой-то собачьей болезни месяца три назад. При жизни он за что-то не любил Толю, мог запросто облаять, как чужака.

«И теперь учуял, скотина», – подумал Толя. Призрачный пёс был крупнее, чем при жизни, глаза горели злым огнём. Толя ускорил шаги, но пёс и не думал отставать. Михалыч, как назло, всё не появлялся. Привидения заинтересовались, двое, в телогрейках, подошли, всматриваясь. Толя замер. Призраки его не видели, смотрели прямо насквозь пустыми глазами. Толя замахнулся на пса ногой, тот зарычал и стал лаять громко, без остановки. Призраки переглянулись.

– Что там такое? – просипел один, с перебитым носом. – Может, Демьяна позвать?

Толя подумал и рыкнул на пса. Блэк посмотрел озадаченно, но гавкать не перестал. Толя собрался с мыслями и постарался представить себя волком – огромным, зубастым. Зарычал, вложив в этот рык всего себя. Пёс замолчал, шерсть на холке встала дыбом. Толя сделал пару шагов назад и рыкнул ещё раз. Пёс молчал, нерешительно водил ушами. Толя дошёл до угла и нырнул в пыльную темноту. Пёс не преследовал.

Толя миновал белеющий в темноте бюст Ильича и осторожно пробрался к выходу. Высокая тень в углу шевельнулась, но приставать не стала. Толя подошёл к окну, поставил банку на подоконник и быстро вылез на лестничную площадку. Когда зашёл в кабинет, Михалыч уже сидел за столом.

Толя сел напротив, посидел молча, приходя в себя. Потом протёр банку рабочей перчаткой и рассмотрел этикетку.

– Вишнёвый сок. Дата производства: июнь тысяча девятьсот шестьдесят шестого года, – прочитал он и посмотрел на Михалыча.

– Не бойся, – сказал тот, – фирма гарантирует.

Призрак откинул голову и вдруг раскатисто, сатанински захохотал.

– Извини, не удержался, – подмигнул он Толе и расстегнул верхнюю пуговицу телогрейки.

Указал на банку:

– Примешь немного на ночь. Не переборщи: граммов сто, сто пятьдесят будет достаточно, как для первого раза. И сразу на боковую, сон смотреть.

Когда Толя уходил домой и рассыпался на прощанье в благодарностях, Михалыч как-то странно помялся и сказал.

– Знаешь, попросить кой-чего хочу. Мне-то больше некого, один ты у меня среди осязаемых на ощупь людишек надёжный кент.

Вот тут Толя напрягся. Ага, значит всё не просто так. Что попросит потустороннее существо?

Михалыч, наверное, догадался, о чём тот думает.

– Да не бойсь, – ухмыльнулся, – душу закладывать не попрошу. Мы тут не уполномочены... Да и с такой душой, как у тебя, сам видишь – одна морока.

Михалыч приблизил к Толе лицо и, немного смущаясь, сказал, что именно ему нужно.

– Это... не обязательно ночью? – спросил Толя.

– Что? – не понял призрак. – Тю, да нет, конечно. Когда тебе будет удобно.

* * *

Поздно вечером позвонил Семён Чайка.

– Ты знаешь, – сказал он, – статистика по комбинату действительно паршивая. Я, честно говоря, такого ещё не видел. Так что если родственника зовут инженером по технике без-

опасности, – он хмыкнул, – пусть десять раз подумает.

О том, что вскоре после этого разговора Семён Чайка погиб, Толя узнал лишь через пару месяцев. Кто-то во дворе отделения не поставил на ручник УАЗ, тот покатился, успел набрать скорость и врезался в стену, где Семён ковырялся в багажнике своей «Нивы». «Скорая» прилетела через пять минут, но без толку, даже до больницы не успели довезти.

Перед сном Толя тайком, чтобы не увидела Алёна, достал из куртки пластиковую бутылку, куда на работе налил сока, зашёл на кухню и, отдавая дань идиотизму происходящего, быстро выпил. Запах напитков имел специфический, это Толя отметил ещё на комбинате, когда открыл банку. На вкус отдавало горечью и плесенью, но оказалось не так безобразно, как Толя себе предполагал.

Очувтившись во сне и пережив весь сюжет заново, Толя с удивлением обнаружил то, чего не замечал раньше. Когда он заходил на комбинат, там оказалось два входа, две одинаковые проходные. Два сторожа Гадюкина вяло переругивались через металлический поручень. Теперь казалось, что два входа имелись и во всех предыдущих снах. Но как было на самом деле, неизвестно – у снов своя логика. Так или иначе, вишнёвый сок почти сорокалетней выдержки что-то полезное увидеть помог. Правда, кроме двух проходных ничего нового Толя не заметил.

Утром вышел из дому намного раньше, чем обычно, и поехал вовсе не на работу. Через двадцать минут выпрыгнул из почти пустого пазика и, зябко ёжась, пошёл по грунтовой дороге. Солнце поднималось над холмом, в стороне горела золотом берёзовая роща. Воробьи и синицы щебетали в придорожных кустах, радуясь жизни. Скоро впереди показалась ограда, а за ней ряды крестов и памятников.

Толя направился по рядам и довольно быстро отыскал нужную могилу. Соловьёв Сергей Михайлович, 1939–1994. Помним, любим, скорбим.

– Что-то не сильно вы помните, – пробурчал Толя, глядя на высокие заросли, почти полностью покрывающие место вокруг памятника.

Поперёк могильного участка лежала ветка росшего рядом невысокого дерева – кажется, ольхи. Наверное, сломалась от ветра или ещё зимой от снега, а скорее, поломал какой-нибудь обалдуй. Ветка упала прямо на гранитный прямоугольник, бурые выцветшие листья торчали по сторонам памятника, словно какое-то не самое удачное украшение. Убрать ветку Михалыч и попросил Толю. Сказал, мешает и давит. Толя доломал ветку и оттащил к мусорным контейнерам.

Вернулся к могиле, посидел, выкурил сигарету. Уже собрался уходить, потоптался на тропинке, а потом повесил на дерево куртку и минут двадцать вырывал из земли разросшиеся сорняки. Молодой улыбающийся Михалыч одобрительно посматривал с фотографии. Закончив, Толя сбегал

в магазин и вернулся с бутылкой водки, двумя пластиковыми стаканчиками и половинкой батона. Поставил на основание памятника полный стакан, сверху положил кусок хлеба, немного покрошил птицам, остальное положил рядом со стаканом. В свой стаканчик налил на полпальца, просто пригубить, изрядную долю вылил на могильную землю, с треть бутылки оставил – пусть бомжи Михалыча помянут.

Наверное, именно там, под взглядами умерших, Толя и принял окончательное решение не обманывать Лосева и не связываться с Жуком.

На работу Толя опоздал всего на десять минут.

В первой половине дня Толя позвонил Андрею Жабченко и сказал, что работать у него не будет. Чтобы тот не обижался, наврал, что собирается перебираться в Столицу, и лучше Андрею подобрать кого-то другого. А после обеда Толя поговорил с заехавшим на комбинат Лосевым по поводу увеличения зарплаты. Васю эта тема не обрадовала, но он всё-таки согласился платить больше: пока не намного, процентов на двадцать, а сразу после Нового года договорились вернуться к вопросу ещё раз.

Днём, когда Толя зашёл в камеру за двумя курицами для нудного мужика с ручной тележкой, из стены неожиданно вылетел Михалыч. До этого в светлое время он не появлялся. Призрак был весел и оживлён. Пошутив что-то про привидение с мотором, он принялся кружиться под потолком.

Толя начал было рассказывать ему о своём ночном открытии.

– Спасибо тебе, корефан! – перебил Михалыч. – А о делах давай того, вечером.

Покружился ещё по камере и скрылся в стене.

Вечером Толя ему всё и рассказал.

– Во, – сказал Михалыч, – работает, значит, зелье.

Он довольно пошевелил бородой.

– И что значат эти две проходные? – спросил Толя.

– Похоже, – сказал Михалыч, – воплощённые сущности сигнализируют, что у тебя есть два пути.

– Что за сущности такие?

Михалыч махнул рукой.

– Воплощённые сущности и есть, ёптыть. Как я тебе объясню?

Он прищурился:

– Ты лучше не отвлекайся. Два пути у тебя, понял?

Толя задумался.

– Уйти и остаться?

Михалыч потрогал свою ворсистую шапку-ушанку.

– Уйти – не путь, этот вариант ясен, как пень, и без подсказок. – Он снял ушанку и почесал скрытую за косматой сединой макушку. – Нет, такую туфту воплощённые гнать не будут. Они же прямо в душе читают, тудыть их растудыть... И указания ихние всегда понятные, более или менее.

Призрак ткнул пальцем Толе в грудь.

– Ты же решил остаться на комбинате?

Толя вздохнул:

– Да...

– Ну вот, – сказало привидение, – у тебя есть два пути, чтобы остаться здесь и не отбросить на хрен копыта.

Михалыч показал два прозрачных пальца.

– И какие это пути? – спросил Толя.

– А чтобы это узнать, мы будем действовать по схеме, доказавшей свою эффективность, – ухмыльнулся Михалыч. – Только включим туда, хе-хе, дополнительный элемент.

Минут через сорок Толя позвонил Алёне и сказал, что встретил друга Мишу и пойдёт к нему смотреть футбол, и там, скорее всего, и заночует. Алёна поворчала, но не обиделась, они доверяли друг другу.

«Видела бы она, что тут у меня за футбол», – думал Толя, разбавляя комбинатовский вишнёвый сок чистым спиртом в пропорции один к одному. Михалыч сказал, что принять получившегося напитка нужно будет граммов триста, не меньше.

– Я составлю компанию, – подмигнул призрак. – Вместе весело шагать по просто-орам.

«Знаю я, как ты составляешь компанию, старый халтурщик», – подумал Толя.

Михалыч настаивал, что для надёжного результата Толя должен остаться ночевать здесь, на комбинате.

Они просидели часа два. Толя пил, наливая по пятьдесят граммов, Михалыч наклонял голову к своему стакану и закрывал глаза. Призрак рассказывал, как хорошо жилось в советские времена.

– У меня грузчики в дублёнках и ондатровых шапках ходили, блин на! – распалился он. Толе показалось, что Михалыч действительно захмелел. – Сам жил и другим давал жить! – Призрак снял шапку, наверное, тоже ондатровую, положил на стол. Шапка полежала и стала медленно дрейфовать к краю стола.

Толе доводилось слышать подобные рассказы от людей, теперь пришлось слушать и от привидения.

– Всем всего хватало, – продолжал Михалыч, – водителям, экспедиторам, конторским засранцам. Сгущёнка, сухая колбаса, чёрная икра, красная... Да... А потом закончилась лафа. Развалили страну. Такую страну! Зачем, а? Разве плохо жили?

Михалыч сокрушённо развёл руками.

«Надо же, – подумал Толя, – помер давно, а туда же, ностальгирует. Тащили тут всё, до чего только могли дотянуться, а теперь удивляются, почему развалилось». Посмотрел на Михалыча. Он не испытывал к старику неприязни. Да и зачем, теперь уже, о чём-то спорить?

Толя осушил очередную, кажется, седьмую, стопку и вдруг ощутил некий толчок, лёгкий сдвиг восприятия. Объяснить это словами он бы, наверное, не смог. Просто уви-

дел вдруг, не глазами, а как-то по-другому, что в небе над комбинатом кружатся чёрные, похожие на ворон, но очень, очень большие, невидимые людям птицы. А пониже, у самой крыши, клубится, образуя жутковатые исполинские фигуры, непонятного происхождения густая мгла.

Он увидел, как только что водитель проезжающего возле комбината жигулёнка ощутил в свете фар мелькнувшую через дорогу большущую лохматую тень, дёрнулся и пробормотал: «Ну ни хрена себе собака!», а это, Толя знал, была не собака.

Ещё Толя услышал отзвук музыки и понял: это с третьего этажа, там опять веселятся привидения. И понял, что если поднимется туда сейчас, его увидят и, возможно, не прогонят.

А потом Толя почувствовал, как где-то в недрах комбината проснулся, заворочался старый знакомый, чудовищный спрут. Огромный глаз распахнулся и начал планомерно обшаривать пространство. И скоро взгляд монстра остановился на Толе. Толя вздрогнул и медленно поднялся со стула.

– Что такое? – удивился призрак.

– Знаешь, Михалыч, – Толя, не сводя глаз со стены, открыл шкаф и стал нашаривать куртку, – я, пожалуй, поеду домой.

Михалыч поднялся.

– Ну, братан, это ты напрасно... Вот же, осталось ещё.

Призрак указал на стол.

– Не, не, – Толя уже открывал дверь. – Давай, до завтра!

Он поспешно направился на улицу. Призрак удивлённо поплыл следом, на краю эстакады остановился. На дороге, поджав хвост, стояла собака Монтана, смотрела куда-то под эстакаду и тихо скулила. Толя не помнил, как дошёл до проходной, а выйдя за территорию, побежал так, как не бегал, наверное, никогда в жизни.

Рискуя напороться на ветку или споткнуться и растянуться, Толя пробежал метров пятьдесят, а потом вдруг почувствовал, что ужас отпустил. Тогда перешёл на шаг и отдышался.

К автобусной остановке подходил в спокойном, правда, сильно нетрезвом состоянии.

* * *

Было немного совестно садиться в таком виде в общественный транспорт, но идти пешком пришлось бы слишком долго.

Подошёл автобус, восьмой маршрут. Табличка с номером завалилась набок, и получилось, что за лобовым стеклом лежит знак бесконечности. Толя хмыкнул и полез в салон. Ехать предстояло с полчаса. Людей было мало, Толя сел на свободное место у окна.

В тёплом, пахнущем выхлопными газами салоне Толю разморило, и он едва не уснул. Пока доехал до своей останов-

ки, людей в автобусе почти не осталось. Их заменили другие сущности.

– Вы не выходите? – спросил Толя у стоявшего на пути пупырчатого сиреневого щупальца. Оно молча подвинулось, освобождая проход.

Толя протянул водителю две чёрные монеты:

– Спасибо.

– Счастливо! – Водитель махнул когтистой лапой и подмигнул третьим глазом.

Толя шагнул наружу и, на ходу надевая шапку, направился к подземному переходу. По серому небу плыли широкие блеклые полосы. Вдалеке тёмными столбами покачивались смерчи. Глаза неба были закрыты. По земле белой взвесью кружилась позёмка – то ли остатки манны небесной, то ли перхоть стареющих неопрятных богов. Стайка мелких неприкаянных душ пролетела у самой головы, едва не задев Толю трепещущими прозрачными крыльями.

У подземного перехода стояли два щупальца в милицейской форме. Тени в переходе и вокруг поспешно прятали товар по сумкам и коробкам. Привычная картина, подумал Толя. Из перехода доносилось пение и звуки гитары. Толя шагнул туда, как вдруг вспомнил, что не купил хлеба, развернулся и вышел на поверхность.

Магазин был уже недалеко, когда земля под ногами вздрогнула, и в небе показалась исполинская белая фигура. Все заметались в поисках укрытия, Толя тоже поспешил под

стену многоэтажки. Как раз добежал и только успел поднять голову, когда свет на секунду померк, порыв ветра прижал Толю к стене, и бетон под ногами подпрыгнул. Толя увидел быстро удаляющуюся гигантскую белую ступню. Постоял, глядя вслед исполину. Девятиэтажный дом едва доходил тому до колена, голова терялась где-то в небесном тумане, на спине покачивались два больших крыла. Гигант дёрнул плечом, и к земле полетело белое перо. Покружилось и пропало из вида, то ли скрылось за домом, то ли просто исчезло, не долетая земли. Тут великан наступил на проезжую часть – послышался визг тормозов, грохот столкновений. Белая фигура свернула в частный сектор и, сопровождаемая хрустом домов и многоголосым собачьим лаем, скрылась в туманной дали.

Толя вышел на тротуар и направился к магазину. У перехода милиционер отдирает от асфальта расплющенного напарника, тот уже пришёл в себя и громко матерился. Смятые деревья, киоск Союзпечати и припаркованные у магазина автомобили распрямлялись, принимая обычную форму. Толя мельком увидел, как продавщица в киоске поправляет причёску и, улыбаясь, что-то говорит в мобильный. Улица вновь ожила. Милиционеры ушли, один прихрамывал. Тени у перехода посмотрели им вслед и стали выкладывать на ящики пучки петрушки и вязанные носки.

Толя купил в магазине нарезной батон и пачку сигарет «Наша карма». Девушка на кассе была в самом начале про-

цесса превращения в щупальце, ещё различались человеческие черты. Толя оставил ей пару монет из сдачи.

У выхода на подоконнике сидел крупный серый кот. Он смотрел в окно, где толстые голуби и мелкие грязные ангелы, расталкивая друг друга, что-то искали в дорожной пыли. Толя протянул руку погладить кота. Тот увернулся, посмотрел недовольно.

– Что, друга нашёл? – буркнул кот, спрыгнул с подоконника и не спеша направился в торговый зал.

Толя пожал плечами, надел шапку и вышел на улицу.

Подходя к дому, Толя ощутил смутное беспокойство. Остановился, огляделся. Вокруг было пусто, но тревожное чувство нарастало. Мало того – быстро превращалось в безотчётный панический ужас. И внезапно, но в то же время и ожидаемо, материализовалось, сгустилось в крупную тёмную фигуру. Фигура шагнула, и Толя увидел перед собой покрытого тёмной лохматой шерстью зубастого монстра. Чудовище оскалило клыки. Толя отшатнулся. «Да это же сон!» – подумал и поспешно попытался проснуться. Не получилось. Замотал головой, рот раскрылся в крике, но вместо крика вышло глухое мычание. Толя изогнулся в мучительной попытке покинуть сон, и тут монстр поднял лапы и зарычал. Толя развернулся и бросился прочь.

Убегать получалось плохо. Тело не слушалось, вязло в густом воздухе. Толя бежал, а может, полз, или летел, но низко и недостаточно быстро. И постоянно оглядывался. Чудови-

ще не отставало. Обличья его стали меняться: за Толей нёсся широкоплечий мутант с двумя головами, обе были крысиными, потом чёрный крылатый демон, ревуший медведь, розовая ошипанная безголовая курица – она щёлкала по асфальту обрубками ног и махала маленькими атрофированными крыльями.

Толя никак не мог оторваться от чудовища. Руки и ноги были как будто не его. Это подтверждало, что всё происходит во сне, но проснуться не получалось. «Чтобы я ещё хоть раз выпил этого компота выпуска шестого месяца шестьдесят шестого года!» – подумал Толя. Тем временем курица превратилась в маленькую девочку со злым лицом и горящими красными глазами. Девочка, в свою очередь, обернулась старухой в залатанном сером пальто, та неслась, махая клюшкой, и щерилась беззубым ртом. Это безработица, каким-то образом понял Толя и невероятным усилием ускорил свой мучительный бег. Старуха оглушительно завизжала и превратилась в чёрный клубящийся сгусток ужаса. Сгусток пронёсся, обгоняя, над плечом Толи, разросся дымным облаком, и оттуда появилось очередное чудовище: мохнатая и клыкастая, похожая на глубоководную рыбу голова на коротких толстых ножках. Мощные лапы чудовища скребли по земле длинными когтями.

Монстр не мигая смотрел на Толю большими, как две тарелки с мутным белым студнем, злыми глазами. Под этим взглядом Толя упал. Чудовище схватило его за шкуру и

подняло над землёй. Толя попытался отбиваться, но на его вялые взмахи монстр просто не обращал внимания.

– Слышь, – вдруг произнесло чудовище низким хриплым голосом, – тебе тут просили передать...

Говорят, во сне не удивляются, но как тут было не удивиться?

Монстр поставил Толю на землю, прокашлялся и неожиданно продекламировал:

– Звери пока
Смотрят на крыши,
В сердце стрелка
Любит Всевышний.

Затем подался вперёд и в упор заглянул Толе в глаза.

– Кто любит? – не расслышал Толя или, скорее, не поверил, что расслышал правильно.

– Всевышний, бля! – сказал монстр. – Глухой, что ли?

Толя моргнул и поправил куртку.

– И что это значит? – спросил он.

– А я откуда знаю? – сказал монстр, но немного другими словами.

Развернулся и пошёл прочь.

– Это о моих путях? – спросил Толя.

– Ну ясен пень, – ответил монстр.

Он медленно потопал в клубящийся туман.

– Так это про первый путь? – крикнул Толя вслед; видя,

что монстр уходит, он совсем осмелел. – Или сразу про оба?

Чудовище повернуло голову.

– Да ты запарил! Второй путь будет с другой стороны.

Вскоре его не стало видно. Гребенчатый хвост пошуршал по щёбёнке, а потом и этот звук затих в тумане.

Толя задумался, что же это такое сейчас произошло, и вдруг проснулся. Оглянулся по сторонам. Людей в салоне автобуса оставалось немного, но те, кто там были, смотрели на Толю во все глаза.

Толя поднялся. Держась за сиденья, быстро прошёл к двери и попросил водителя остановить.

– Вот бедненький... – успел услышать сердобольный голос какой-то старушки. – Такой ещё молоденький...

Толя пришёл домой, поцеловал Алёну – старался на неё не дышать – и сразу завалился спать. Выспался отлично, никаких снов не видел, а если и видел, то наутро не вспомнил.

* * *

Проснулся Толя свежий, отдохнувший. В коридоре по пути в ванную встретил Алёну.

– Ты храпел...

– Извини, – смутился. – И за вчерашнее тоже. Я там... Так получилось. Не было возможности отказаться.

Обнял жену, потянулся поцеловать.

– Зубы сначала почисть. – Алёна отстранилась, выскользнула из рук.

Придя из ванной на кухню, Толя увидел то, что спросонья не заметил: вид у жены неважнецкий. Болезненно она смотрелась, измученно. Толя удивился: обычно Алёна выглядела хорошо всегда, даже по утрам.

– Ты что, приболела? – спросил.

Алёна посмотрела не очень приязненно:

– А ты чего так озаботился?

От такого неожиданно резкого и, в общем-то, несправедливого ответа Толя хмыкнул, но выяснять отношения не стал – не стоило с утра, да и идти уже время. Быстро съел бутерброд, запил чаем. У двери остановился:

– Я пошёл.

– Пока, – ответила Алёна с кухни.

Целовать Толю на прощанье она не вышла.

На работе Толя не переставая крутил в голове вчерашний автобусный сон. Что интересно, стоило вспомнить о продекламированном чудовищем четверостишии, оно тут же странным образом появлялось перед глазами. Как галлюцинация или голограмма: белые готические буквы висели в воздухе, после второй строки стояла запятая, а в слове «стрелка» над буквой «а» было проставлено ударение.

Ничего себе подсказка, думал Толя. Что за звери? На крыши какие-то смотрят... Облака, что ли, белогривые лошади-

ки? А что ещё за стрелок? Непонятно... Именно в сердце... Киллер, что ли? Любит Всевышний его... Нелогично. Пока звери смотрят – любит, потом что, разлюбливает? Ерунда какая-то.

«В сердце стрелка любит Всевышний...» Может, подумал вдруг Толя, ему предлагают застрелиться? Хорошая под-сказка, ничего не скажешь...

Так ничего и не придумал.

Домой приехал рано – суббота, короткий день.

И дома Толя думал над загадкой. Тут его ничто не отвлекло: Алёна продолжала обижаться, сидела молча, отвечала односложно. Такое у них периодически случалось – ничего не поделаешь, надо просто переждать.

Толя записал четверостишие на листе бумаги и решил рассматривать его, как некий шифр. Пробовал переставлять буквы, читать через одну, через две, справа налево... Вновь и вновь писал стих на листе – обводил буквы, чёркал, что только не перепробовал. Ничего не получалось, лишь голова разболелась. Думал уже и сока комбинатского хлебнуть, но побоялся.

Ночью снился утомительный бред: буквы, цифры, их неочевидная и противоестественная взаимосвязь. Плохо спал Толя, отвратительная выдалась ночь. Не то что сон со спрутом, конечно, но тоже ничего хорошего. Ещё и Алёна вертелась, тоже плохо спала.

Утром Алёна отправилась на рынок, за сапогами, давно

уже собиралась. Толе по случаю размолвки ехать не предложила, он только порадовался.

Попробовал на свежую голову подсказку разгадать – снова ничего не придумал. Даже в энциклопедию заглядывал, посмотрел о загадках, о шифрах – без толку. Когда Алёна вернулась, уже забросил попытки. До ночи провалялся возле телевизора.

С Алёной почти не разговаривал, только по необходимости: «Масло закончилось?» «Возьми пачку в морозильнике» или «КВН начался, будешь смотреть?».

Перед сном Толя не выдержал, засел за стол, писал опять стих, буквы переставлял по-всякому. Спал снова плохо, но лучше, чем в прошлую ночь.

Думал Толя над загадкой и на следующий день, на работе. Чувствовал уже отвращение, но бросить это дело не мог. Думал, разгружая лосевский микроавтобус и толкая в склад тачку с товаром. Думал, вынося клиентам небольшие заказы. Думал, подметая эстакаду перед дверью кабинета. Думал, сидя в кабинете, когда работы не было.

Об этом же по инерции собирался Толя поразмышлять и в очереди в туалет, но не получилось. Двое грузчиков с рыбы увлечённо о чём-то спорили, и Толя поневоле прислушался: интересно, чем живёт его бывшая бригада. Там поменялся кладовщик, и ребята решали, можно ли воровать, как раньше. Осторожный дядя Слава предлагал выждать неделю –

мало ли, как может повернуться. Толстый Серёга Барсуков считал, что нового кладового надо сразу ставить на место, чтоб знал, какие здесь порядки. Толю они не стеснялись – он был для них свой.

Когда дверь туалета открылась и оттуда, застёгивая куртку, вышел высокий лопухий мужик, грузчики махнули Толе: заходи, мол. Оказалось, им туда и не нужно: они пришли то ли поговорить без посторонних ушей, то ли просто отдохнуть от работы, чтобы никто не дёргал.

До вечера крутилась загадка в голове, как наваждение уже стала. Толя всё не мог дождаться, пока появится Михалыч – на него вся надежда. Целый день ходил рассеянный, вечером не сошлись деньги. Не хватало немного, но всё равно неприятно.

Вопреки ожиданиям, Михалыч совсем не помог.

– Стих? – удивился он. – Хм, надо же, какая петрушка. Любишь стихи?

Толя пожал плечами.

– Подсказки эти, – объяснил призрак, – штука сугубо, так сказать, персональная. Тут я тебе, братец, не помощник. Знал бы – не вопрос, подсказал бы. Хотя у нас, у херни потусторонней, помогать людям вообще-то того, не принято. Скорей наоборот. Мне там, – Михалыч показал пальцем куда-то вбок, – об этом уже намекнули.

Толя удивился:

– Это как? Кто?

– А... – Призрак махнул рукой. – Есть там, блин...

Толя задумался, пригорюнился.

– Да не переживай. – Михалыч тронул его за плечо. Ну, как мог, так и тронул. – Включай соображалку – да и разгадаешь. А я к тебе приходить не перестану, что бы там эти, – он скривился, – ни болтали.

Толя глянул мельком в прозрачное лицо, кивнул благодарно.

– А почему оно всё так странно и сложно? Видения какие-то бредовые, стихи во сне... А если бы я сон тот не вспомнил? Нельзя, что ли, просто сказать, без вот этого всего?

Михалыч ухмыльнулся:

– Сны эти забыть – постараться надо. А в остальном... Да, дружок, обычно всё намного проще. Видать, такой ты непростой человек, нестандартный. Не ищешь по жизни лёгких путей, а?

Толя посидел в задумчивости. К везунчикам он себя не причислял, знал людей намного удачливее. Просто так ему по жизни ничего не доставалось, с неба не падало. Хотя вот – с Алёнкой, что ни говори, повезло. И это перевешивало всё остальное, так Толя считал.

Привидение подмигнуло:

– Что приуныл, брат-Кондрат? Не бойсь, справишься. Здесь надо было ночевать, говорил же – может, тогда понятнее получилась бы подсказка. Сока, вон, хлебни – гля-

дишь, поможет. Воплощённым, видать, скучно стало, вот они, блин, и понапридумывали. Интересным людям – интересные задания!

Ушёл Толя домой без настроения. Оптимизма Михалыча он не разделял.

Подошёл к остановке, постоял. Накрапывал дождь. В голове непрерывно вертелись строки стихотворения, прекратить это Толя уже не мог. Вдруг мысли прервались чем-то странным. Толя вздрогнул и уставился на столб – там белело одинокое объявление. «КИДАЛОВО», – гласило оно большими буквами, ниже – номер телефона. Толя моргнул, присмотрелся. Да нет же, там написано «РАБОТА». Что за дела?

Подошёл троллейбус, почти пустой, Толя оглянулся ещё раз, прочёл: «РАБОТА», пожал плечами и шагнул в салон. Троллейбус тронулся, Толя постоял недоумённо, держась за поручень. Постепенно мысли вернулись к зверям и стрелку.

– Эй, задумчивый, – прервал размышления насмешливый голос, – проезд оплачиваем! Давай, доставай из широких штанин.

Толя протянул весёлой кондукторше монеты, а когда она отошла, посмотрел вслед и застыл с билетом в руке. «Из широких штанин... Хм... Это Маяковский... В сердце стрелок... Маяковский... Маяковский! – чуть не заорал вслух. – Неужели это оно?»

Да, Толя знал, что Маяковский выстрелил себе в сердце.

Едва ли стоит этому удивляться. Культурный уровень кладовщика не обязательно низок, в кладовщики разные люди попадают. Если бы этот факт о Маяковском знал какой-нибудь собственник или управляющий торговым бизнесом, вот это было бы удивительно.

Толя очень обрадовался своей догадке. Тут же, по горячим следам, прокрутил варианты и достаточно быстро понял, при чём тут может быть Маяковский. Это улица! Тем более ответ на загадку не «Маяковский», а «Маяковского». Воодушевлённый, уже подходя к дому, подумал, что все эти строки можно рассмотреть по одной, независимо друг от друга. И тогда... Кого любит Всевышний? Или что? Всех он любит... Может, там церковь есть на Маяковского или дом какой молельный? Завтра же и проверим.

На выходе из лифта озарило: Бог Троицу любит! Точно! Маяковского, три! А!!!

Собрался тут же, не откладывая, бежать по адресу, благо это совсем недалеко, минут двадцать быстрой ходьбы. «В загадке есть ещё про зверей, – подумал Толя, – ну да чёрт с ними, на месте разберёмся». Потом посмотрел в окно и остановился – куда уже идти, на улице темень. Попробовал тут же, на кураже, разобраться и со зверями, но звери ему не дались.

Утром, на работе, Толя с нетерпением ждал вечера. И надеялся, что сегодня Лосев не притащит товар после за-

крытия, как повалился делать. Но всё сложилось ещё удачнее: к соседям, рыбакам, приехала большая проверка. Комплексная. Рыбную фирму уже с месяц лихорадило, грузчики говорили: руководство разругалось, поставки резко упали. По вечерам и ночам, как при Толе, ничего не разгружали. Наверное, и проверка эта случилась неспроста.

Теперь по комбинату бродила масса народу в костюмах и с папками, арендаторы закрылись и попрятались: хоть проверяющие приехали к рыбакам, могли запросто сунуться и в другие места. Толя тоже закрылся и позвонил Лосеву, тот похвалил и сказал пока не открываться. Было похоже, что всё затянется надолго. В полтретьего Толя снова позвонил, и Лосев разрешил идти домой.

Толя поспешил на улицу Маяковского. Он поехал тем же маршрутом, что и всегда, и вышел на три остановки раньше. Улица Маяковского уходила от дороги в глубь частного сектора. Толя пошагал, глядя по сторонам на дома и заборы разной степени зажиточности. Идти пришлось прилично, в самое начало улицы. Грунтовая дорога, размытая дождями, становилась чем дальше, тем хуже.

Добрался до места, огляделся. На противоположной от дома номер три стороне двory уже закончились. Там поскрипывали стволами высокие старые тополя, между ними журчала несчастная, замусоренная речка. Дом номер три оказался спрятанным за высоким забором недостроен, как и другие дома в начале улицы. Стройка задумывалась масштаб-

ная, этажа на три, но потом что-то у хозяев, видимо, пошло не так, причём уже давненько – торчащая из разрушающихся плит арматура изрядно поржавела. Таблички с названием улицы и номером дома на добротных, но покосившихся воротах не было. Зато имелась другая табличка, о злой собаке. Слово «злая» напечатано коряво, буква «я» отстояла слишком далеко.

– Во дворе зла я собака... – прочёл Толя вслух и хмыкнул.

«Ну, если это не здесь, то я не знаю», – подумал он. Правда, со зверями, смотрящими на крыши, оставалось непонятно: у дома, как и у соседских, и крыш-то нет.

Толя шагнул на кучу слежавшегося песка, оттуда перебрался на каменный забор, оглядел дом и двор. Меж высокой, по пояс, травы виднелись сваленные на землю плиты, посреди двора стоял грузовой прицеп на спущенных колёсах. Между первым и вторым этажом на верёвке висело ведро. Толя прошёлся по забору. Никакой собаки здесь, кажется, нет.

Спрыгнул на стопку плит и направился к серым ступенькам крыльца. Что надеется найти, Толя и сам не знал. Что-то, что направит его в дальнейших поисках... Записка? Какая-нибудь книга? А может, оружие?... Когда он только догадался, что в стихотворении зашифрован адрес, то был уверен: там окажется человек, который всё объяснит. Теперь же... Надо просто всё здесь осмотреть, обыскать.

Толя облазил дом, а потом и двор. Проверил все комнаты,

посмотрел в подвале, побродил среди зарослей. Внимательно прошёлся по периметру забора внутри и снаружи, посмотрел в прицепе и под колёсами. Ничего... Подтянул ведро, заглянул, увидел только окаменевший цементный раствор и дождевую воду.

Ушёл, когда уже начинало темнеть, грязный, разочарованный и опустошённый.

* * *

Пришёл Толя домой. Умылся, поужинал, посидел задумчиво у окна. Тут подошла Алёна:

– Давай поговорим.

Толя вздохнул: придётся выслушивать упрёки. Что подедаешь – с точки зрения Алёнки он виноват. Не расскажешь же ей о Михалыче, спуте и всём остальном. Ничего, зато, поговорив, они помирятся. Так всегда бывало.

– Слушай, Сомов, – начала супруга, – ты чего так наклюкиваться стал, а?

Она откинулась в кресле, сцепила пальцы. Толя смотрел в распахнутые глазища, молчал.

– Ты так сопьёшься к чертям собачьим.

– Не сопьюсь, не переживай.

Резковато прозвучало. И Алёну, конечно, не убедило.

– А я вот переживаю. Потому что насмотрелась, сам знаешь...

Толя закрыл глаза, вздохнул.

– Хорошо, я постараюсь...

– Тебе не кажется, – так получилось, что Алёна перебила, – всё у нас в последнее время как-то наперекосяк? Мы с тобой никуда не ходим – это я уже привыкла. Но мы же почти не разговариваем! Телевизор смотреть вместе – это ведь не общение.

Как обычно, ссорясь, Алёна валила всё в кучу.

– Я не знаю, как у тебя дела, что на работе происходит. Ты же ничего не рассказываешь, ничего!

– Что там может происходить? Курей продаём, – буркнул Толя.

– Рассказал тогда, что с рыбы к курятнику перешёл, и на том спасибо, – зло усмехнулась Алёна. – А как у тебя там – ни слова.

– Нормально там всё.

Да, Толя не тащил в дом неприятности. Хорошо ли это, плохо – так считал правильным. Теперь подумал: может, и правда, рассказать? Как спрут его ночами жрёт, как призраки по комбинату табунами шастают. Тот ещё рассказ будет! Спросил себя: а если бы Алёна что-то такое наговорила, поверил бы? И понял: да ни в жизнь. Так что незачем жену пугать. Может, потом расскажет, когда будет, чем доказать.

– Не надо было нам из Посёлка уезжать, – выдала вдруг Алёна.

Толя просто опешил.

– Заяц, ну что ты такое говоришь?

Губы Алёны дрожали, в глазах блестели слёзы. Она заглянула Толе в лицо:

– Правда, давай вернёмся?

Толя фыркнул.

– В Посёлок? О, господи! Да что там делать?

Вскочил, заходил по комнате.

– Хотя бы на время, – шмыгнула носом Алёна. – Я тут больше не могу...

– Да что случилось-то? – вскинулся Толя. – Тебя тут кто-то обижает? Да? На работе?

Алёна отмахнулась:

– Нет, нет. То есть... Там всё как обычно. Оно как-то одновременно...

Слёзы всё-таки хлынули, плечи мелко затряслись.

– Понимаешь... – услышал Толя сквозь рыдания. – Не место нам здесь... Чувствую, плохое что-то случится...

Толя с Алёной многое вместе пережили. Было, ещё до свадьбы, один тип из Посёлка её отбить пытался – богатый, с машиной. А Толя совсем молодой был, неопытный. Хотя и понимал уже, какое сокровище ему досталось. И решил тогда, что – всё, потерял девушку. Мол, кто он, Толя, такой? Сопляк малолетний в рваных туфлях. Ну и плюнул на всё, ещё и наговорил Алёне всякого, идиот. И даже несмотря на это, Алёна с Толей осталась. Что она новоявленному ухажёру сказала, неизвестно, но тот больше к ней не подкатывал,

а когда встречались где случайно, отворачивался.

И в город переехать Алёна Толю убедила. Так-то у него в Посёлке была работа, мать плотником на ферму устроила, и сам Толя всё бросать и ехать на новое место не решался.

Ссорились они нечасто, хоть споры разные, бывало, возникали.

– Чувствую, плохое что-то случится... – сказала Алёна.

И вот тут Толя неправильно себя повёл. Рассердился и на Алёну почти что накричал. Жалел потом, конечно. И так после визита на Маяковского материться хотелось, а тут ещё и это. Вот и высказал всё, что думает о жизни в Посёлке, о дурацкой идее вернуться туда. А заодно и о Алёнином нытье и пророчествах дурацких. Кассандра, блин!

Тяжёлый получился разговор, и некрасивый. И закончился ничем. Ни о каком примирении и речи не было. И спать легли в разных комнатах.

Утром, естественно, не разговаривали.

* * *

На работе ничего интересного не произошло. Ближе к вечеру позвонил Лосев, попросил задержаться – будет товар. Дождавшись, всё приняв и замкнув склад, Толя переоделся и понял, что домой идти не хочется. Отправил Алёне эсэм-эску: «Задержусь», склонился над столом, посидел в задумчивости.

А когда поднял голову, то увидел напротив Михалыча.

– Привет...

– Приветливей видали, – усмехнулся призрак. – Что, грусть-тоска? Наливай.

Толя колебался недолго: вздохнул и достал из шкафа спрятанную в старом валенке початую бутылку.

После первых же ста граммов Толя разговорился. Поделится с Михалычем, как догадался о зашифрованном в подсказке адресе, как ходил туда и нашёл только заброшенную стройку. Потом рассказал, как поссорился с Алёной. И из-за чего поссорился, тоже рассказал. Призрак слушал, сочувственно кивал. Глядя на Михалыча, Толя вдруг подумал, как это выглядит со стороны: вот он сидит, закрывшись в кабинете, пьёт, разговаривает с кем-то, кого никто кроме него не видит. Может, и нет никакого Михалыча, подумалось вдруг. Может, это лишь галлюцинация? А он, Толя, просто пьяный грузчик с поехавшей крышей?

Подумав об этом, Толя очень испугался. А испугавшись – напился, да так, что под конец наорал на Михалыча и чуть драться не полез. Хорошо, Михалыч бесплотен, а иначе буйный Толя, глядишь, и ввалил бы старику. Тот смотрел на это всё, хихикая в бороду, потом махнул рукой и скрылся в стене.

Толя что-то ещё побурчал сам с собой, закрыл кабинет и пошёл нетвёрдым шагом к проходной.

Постояв минут пять на остановке, пошёл пешком. Погода выдалась хорошая, тёплая, а может, это подвыпившему Толе так казалось. Звёзды в тот вечер светили как-то особенно ярко.

Проходя мимо поворота на улицу Маяковского, остановился. Будь Толя трезвым, ему бы, наверное, и в голову не пришло снова тащиться к дому номер три. Что там делать, в темноте? Но трезвым Толя не был.

Фонари не горели. Спотыкаясь и шлёпая по грязи, Толя побрёл в начало улицы. Пару раз из дворов лаяли собаки, и оба раза Толя вступал с ними в короткую словесную перепалку.

Дойдя до дома номер три, на забор забираться не стал, пролез под воротами. Обойдя дом вокруг, остановился у нагромождения плит.

В высоком тёмном небе молодой месяц о чём-то шептался с веселыми, чуть смущёнными звёздами. Ржавый прицеп походил на притаившееся в траве чудовище, но Толе совсем не было страшно. Он посмотрел на мерцающий небосвод, вдохнул полной грудью, радуясь своей молодости и хмельной бесшабашности. Подошёл к прицепу, улыбнулся, встал в стойку, поднял над головой воображаемый меч.

Вдруг в оконном проёме недостроенного второго этажа мелькнул красный огонёк. Толя встрепенулся, осторожно прошёлся, присматриваясь. То ли показалось, то ли нос действительно уловил запах сигаретного дыма. Толя подошёл

к крыльцу, взобрался и стал бесшумно, как ему казалось, подниматься по бетонным ступеням. Запах сигарет здесь, на лестнице, ощущался сильнее. Поднявшись, Толя прокрался вдоль стены и с опаской заглянул в комнату. На фоне неба виднелись очертания кривобокой стремянки, под окном угадывался низкий верстак, а может, сложенные доски.

И тут в тёмном углу кто-то шевельнулся.

Стремительно трезвея, Толя вдруг осознал, что именно происходит. Он спяну забрался на заброшенную стройку в безлюдном месте, уже почти ночь, и выйти сейчас вот из этой темноты может кто угодно. Или что угодно...

Это оказался человек. Он шагнул на середину комнаты и тёмным силуэтом остановился на фоне окна. Сказал негромко:

– Заходи, заходи.

В руке вспыхнула зажигалка, осветила лицо и бетонную коробку комнаты.

Человек был Толе знаком. Толя не знал его имени, только фамилию – Филин. Когда на комбинате ломался грузовой лифт – а случалось такое нередко, раз в два-три месяца, – он приезжал и лифт ремонтировал. Впервые услышав: «Звоните Филину», а позже увидев квадратного типа с крючковатым носом и торчащими по бокам головы вихрами серых волос, Толя подумал, что «Филин» это прозвище. Оказалось – фамилия.

– Здорово. – Огонёк зажигалки погас, Филин сунул её в

карман. Лицо озарилось тусклым красным светом – затянувшись сигаретой.

– Добрый вечер. – Толя вошёл и остановился у дверного проёма. Ноги чуть заметно подрагивали.

Филин выпустил в сторону окна струю дыма.

– Догадался, значит?

Толя понял: это о стихотворной подсказке. Кто бы они ни были – странные у них игры...

– С трудом, – сказал он. – И только частично.

– Частично? – удивился Филин.

– Про зверей и крыши я так и не понял.

Филин хмыкнул:

– Что же тогда надоумило тебе прийти сюда в такое время?

– Мимо проходил, – сказал Толя. – С работы иду.

Собеседник задумался.

– Не понял... Но всё сложилось... – пробормотал себе под нос. – Хм, это интересно. И это зачтётся.

Толя уже отошёл от испуга, почти расслабился.

– Так, а что... – начал он.

– Звери – это созвездия, – усмехнулся Филин. – Имелось в виду, что нужно прийти сюда, когда на небе звёзды, в тёмное время суток. Первая часть подсказки – время, вторая – место.

– Зоологический сад планет... – огорчённо пробормотал Толя. Да, можно было и догадаться.

– Что? – сказал Филин. – А, ну да. Точно.

Швырнул бычок в угол, тот разлетелся о стену маленьким фейерверком.

– Ладно, – произнёс деловито. – Я слышал, у тебя проблемы? Мы можем с этим помочь.

– Кто это – мы? – спросил Толя после короткой паузы.

– Мы... Группа людей, – усмехнулся Филин. – И не только... Мы помогаем друг другу. Вместе легче бороться. Сам знаешь: жизнь – борьба.

Толя задумался.

– И какие же цели вашей борьбы? – спросил он. – За что боретесь?

– За жизненное пространство, – сказал Филин. – За рост, личностный... и общий. За... Поверь: всем есть, за что бороться. Я не могу тебе всего рассказать, пока ты не согласишься принять нашу помощь. Скажи, тебе нужна помощь?

Квадратная фигура с почти невидимым в темноте лицом всматривалась в Толю. Тот растерялся, мысли путались. С тех пор, как в жизнь вторглась чертовщина, этой самой жизни практически не стало. Нужно на что-то решаться. Помощь определённо нужна. Только вот... Кто эти люди, что умеют управлять чужими снами? Люди и не только – так он, кажется, сказал. И если связаться с ними, не станет ли от этого ещё хуже?

– А в чём эта помощь будет состоять? – спросил Толя.

– Мы поможем нейтрализовать монстра, – сказал Фи-

лин. – Того, из стены. Из проблемы он превратится... в источник больших возможностей. И тогда твоя жизнь изменится. Станет намного интересней и перспективней, чем жизнь грузчика.

– Я кладовщик, – сказал Толя.

– Даже с учётом этого важного замечания, – ухмыльнулся Филин. – Ну, что скажешь, нужна помощь? Меня интересует определённый ответ.

Толя замялся.

– Я... Я пока не готов.

Филин вздохнул в темноте.

– Что ж, это нормально. Думай. Скоро тебя навещу.

Он шагнул к окну. Толя подумал: сейчас взберётся на оконный проём, за спиной расправятся огромные чёрные крылья, и взмоет Филин в ночное небо. Но тот просто посмотрел на звёзды, потом прошёл мимо Толи, спустился по ступенькам, пробрался по плитам, перелез через забор и скрылся из вида.

Дома Алёна уже лежала в постели, читала. Толя умылся, пошёл на кухню ужинать. Когда залез в кровать, Алёна спала или делала вид, что спит.

На работе Толя насилу дождался вечера. Как стемнело, закрылся в кабинете, позвал вполголоса:

– Михалыч, ты тут?

Прошёлся, скрипя по старому полу, постучал в стену:

– Эй! Выходи, не обижайся.

Ответа не было.

Тогда Толя пошёл в склад, побродил там минут пять, покричал:

– Михалыч, прости, если обидел! Сам не помню, что я там вчера... Выйди, пожалуйста, у меня тут новости есть.

Уже отчаявшись и направляясь к выходу из камеры, наткнулся на ухмыляющегося Михалыча.

– Что, стыдно тебе, пьянь? – захихикал призрак. – Толик-алкоголик! На заслуженного человека с кулаками кидался... Галлюцинацией поганой назвал!

– Извините, – потупился Толя.

Михалыч расправил бороду:

– Ладно уж, фиг с ним. Пойдём, расскажешь, что там у тебя.

В кабинете Толя слово в слово пересказал Михалычу разговор с Филином. Призрак посидел, подумал.

– Эти, значит... Противоборцы за тебя соревнуются. Давненько их не было слышно, итить-колотить...

Толя заморгал.

– Вы их знаете? Кто это такие?

Михалыч махнул рукой:

– Да сам скоро поймёшь. У них там две стороны... – Он замолчал, задумался. – Нет, я, пожалуй, не стану ничего тебе рассказывать. Там, говорят, чужое слово может сильно по-

вредить. А я, хоть ты и обзываешься, – он ухмыльнулся, – вредить тебе не хочу.

Посидел, повертел в руках прозрачную шапку-ушанку, добавил тихо:

– И себе не хочу...

Сказал на прощанье:

– Придётся тебе, братец, самому до всего дойти. Ты это: соку выпей.

Толя послушался, выпил на ночь сока. Лучше бы не пил: снова приснился спрут. Снова он проглотил и переварил Толю, снова тот полночи сидел на кухне и читал «Огонёк». А когда лёг, спрут снова был тут как тут.

И только утром, отключая на телефоне будильник, Толя вспомнил: кажется, во сне случилось ещё что-то кроме пожирания монстром. Да! По дороге к чудовищу он видел двух странных персонажей. Один молодой, в брезентовом плаще и дурацкой остроконечной шапке, другой постарше, лысоватый, в круглых очёчках и кожаной куртке. Во сне Толя понял: это те, кто ему нужен, – другая сторона, о которой говорил в автобусном сне монстр. Остановился, хотел подойти, но очкастый буркнул: «Чего смотришь? Тебе туда», – и показал на комбинат. И Толя пошёл.

Что это было? Кто его знает. Понятно только, что придётся повторить попытку.

В пятницу ничего интересного не произошло, а вот в субботу...

С утра Лосев привёз товар, они с Толей выгрузили его на два поддона.

– Затянешь сам? – заторопился Вася.

– Конечно.

– Давай, а то я уже не успеваю.

Он влез за руль и повёз то, что осталось в микроавтобусе, на рынок заказчику.

Толя покатил тачку с поддоном. У входа развернул: всё же килограммов шестьсот, а пол в складе неровный. Говорят, тащить легче, чем толкать. Отомкнув замок и открыв ворота, впрягся и потащил. Проём ворот проскочил, но дальше сразу застрял: у входа с потолка капало, и на полу намерзали ледяные бугорки. Блин, подумал Толя, скользя ботинками по неровностям, не отбил с утра – и вот. Придётся теперь половину паков снимать, переносить вручную. Тут тачка вдруг пошла: кто-то решил подсобить. Вовремя! С помощью невидимого за паками человека Толя вытащил груз на ровное место и остановился:

– Спасибо, тут я уже сам.

– Почём куры? – спросил человек, выпрямляясь.

– А вас какие... – Толя посмотрел человеку в лицо, за-

пнулся и медленно договорил: – интересуют...

Куры были двух видов, но это не имело значения: на Толю насмешливо смотрел Филин.

– Есть срочный разговор, – сообщил он и мельком взглянул на большую стену. – Пойдём, а то здесь как-то зябковато.

В кабинете Филин сел на предложенный стул, потёр крючковатый нос, посмотрел по-деловому:

– У меня хорошие новости. О тебе навели справки и признали достойным сотрудничества. И я уполномочен озвучить конкретное предложение.

Он положил руки на стол, зачем-то провёл по исцарапанной поверхности, поднял взгляд на Толю.

– В первую очередь мы поможем разобраться с монстром. Это хоть и потусторонний, но всё же зверь, безмозглое животное. Тебе подскажут, как его подчинить, приручить. И это даст разного рода, так сказать... возможности. И тогда...

Филин задумался, откинулся на стуле, прищурившись, поглядел в стену.

– То, что у тебя произошёл контакт с миром воплощённых, говорит об одном: твоя старая жизнь закончилась. И сейчас решается, какой будет новая. И я тебе вот что скажу: хватит прозябать! Толковый парень, а...

Он замолчал на полуслове, переменял тему:

– Директор здешний, Быков... Ему ведь в своё время тоже помогли. А он... Он не оправдал. Слабак оказался. Сначала монстра вроде подчинил, а потом... Не заметил, как тот

его... – Филин махнул рукой. – Ладно. С новым директором мы такого не допустим, учтём, так сказать, отрицательный опыт.

Толя смотрел, не понимая, зачем это всё рассказывается. – А новым директором, – сказал Филин, – станешь ты.

Приподнял брови, посмотрел внимательно, изучая произведённый эффект. Толя хлопал глазами, молчал.

Тут скрипнула, открываясь, дверь, заглянул Максимыч, кладовщик с бакалеи.

– Слушай, Толь... – начал он, потом увидел, что Толя не один. – А, Филин, здорово.

Протянул руку.

– Что, опять лифт?

– Лифт, лифт, – проворчал Филин. – На этот раз социальный.

– Понятно, – сказал кладовщик, хотя ничего ему, конечно, было не понятно.

– Максимыч, я к вам через десять минут зайду, – сказал Толя.

Максимыч кивнул, ушёл.

– Не сразу директором, конечно, – продолжил Филин. – Сначала устроим тебя замом главного инженера. А года за три-четыре дорастёшь до директора и сменишь Быкова.

Он шевельнул бровями:

– Ты где-то учился, есть образование?

– Техникум, – хрипло сказал Толя.

– Отлично. Закончишь пока заочно какой-нибудь университет.

Филин хлопнул ладонью по столу:

– Большие дела тебя ждут, большие!

Толя медленно переваривал услышанное. Тут дверь снова раскрылась. За ней завозились, в проёме показался старичок в очках с толстенными линзами.

– А пару курей у вас можно купить? – проскрипел он.

Толя приподнялся, но ответить не успел – Филин встал, пошёл к двери.

– К сожалению, курей нет, – печально сообщил он. – Они улетели...

– В тёплые края, да? – Лицо старика растянулось в редкозубой улыбке.

– Да! – рявкнул Филин и захлопнул дверь.

Вернулся, уселся. Толя медленно опустился на стул, потёр шею.

– А чем я... – пробормотал он. – Что от меня потребуется взамен?

Филин посмотрел одобрительно, усмехнулся:

– Пра-авильный вопрос. Нет, опасаться не стоит. Душу закладывать не нужно, души нынче товар бросовый. – Он снова усмехнулся, чему-то своему. – Первое время, пока освоишься, от тебя не потребуется вообще ничего; сотрудничество с тобой рассчитано на долгую перспективу. А потом – сильно потом – сам всё поймёшь.

Филин пристально посмотрел на Толю, прочитал в его лице сомнение.

– Я знаю, что ты честный, – серьёзно сказал он. – Это не страшно. Это даже в чём-то хорошо. Я так считаю: у человека должны быть убеждения, должен быть вектор! «Здесь, на горошине Земли, будь или ангел, или демон...» – помнишь? – Филин оживился, глаза засверкали. – Поверь, никто не будет заставлять тебя идти наперекор совести. Главные решения всегда будешь принимать сам. Да никто и не сможет ничего тебе навязать, потом, когда... – Он усмехнулся, покачал головой. – Честно говоря, завидую я тебе. Думал, небось: крыша тронулась, с катушек съезжаешь ни с того ни с сего, да? А на самом деле джекпот выиграл.

Он уставился на Толю.

– Я... Мне надо подумать, – пробормотал тот.

– Подумай, подумай, – Филин усмехнулся. – Хотя думать тут нечего. Другой стороне, я так полагаю, ты не особо нужен. Да и что эти соплежуи могут предложить? «Праведная жизнь сама по себе уже награда», – прошамкал он, кого-то перекивляя. – Клоуны! Что толку просидеть всю жизнь, боясь что-то там нарушить, кого-то обидеть. Считай, что и не жил вовсе... Цель жизни какая, знаешь? Самореализоваться! А с нами – с нами ты будешь сильным! Сможешь устанавливать, отстаивать свою справедливость. Будешь защищать обиженных, карать подлецов!

Филин поднялся.

– Думай, Анатолий, думай.

Распахнул дверь, шагнул было наружу, натолкнулся на приехавшего Лосева. Обернулся на прощанье:

– Только учти: времени не много!

Обогнул Лосева, пошагал к проходной.

– Прикинь, – сказал Вася, входя в кабинет, – ублюдок отказался от заказа! Нашёл дешевле. Я приехал, а там уже разгружаются эти, новые, с межрайбазы.

Он бросил на стол барсетку, посмотрел в окно, где вдалеке всё ещё мелькала спина топающего к проходной Филина.

– Ладно... А это что за хрен? До чего времени не много?

– До конца света, – сказал Толя. – Сектант какой-то.

Разгрузились, и Лосев уехал. Толя присел на стопку поддонов отдохнуть. Сидел и думал: «Где же обещанная вторая сторона, почему не даёт о себе знать? Эти вон уже чего предлагали... Что же делать, как их искать? Ещё, что ли, сока выпить?»

Видимо, сама мысль о соке дала эффект, подобный приёму сока: откинувшись на спинку стула, Толя задремал.

Приснилось, что бредёт он в сумрачной какой-то степи. Сухая трава шуршала под ногами – и ни звука больше во круг. И ни души. Глаза небесные скрыты были за туманом. Толя остановился, прислушался. И вздрогнул – где-то недалеко то ли рыкнуло, то ли фыркнуло крупное животное. Попятился, а потом, как будто что-то вспомнив, осторожно по-

шёл на звук.

Рык повторился, и вдруг из тумана проступили фигуры – высокие, странные. Кентавры! – мелькнула нелепая мысль, но тут же Толя понял: нет, просто люди верхом на лошадях. Они то появлялись, то исчезали в тумане, копыта глухо стучали по земле, позвякивала сбруя. Люди негромко переговаривались.

Толя робко подошёл.

– Ты чего тут бродишь? – Молодой боец в шинели и будёновке с большой красной звездой подъехал к Толе вплотную, серый в яблоках конь едва не задевал его широкой грудью. Подтянулись и другие, двое в мундирах с золотыми погонами, один в кожанке и круглых очёчках, с наганом, один в бескозырке и рваной тельняшке. То, что у каждого за спиной виднелись небольшие белые крылья, Толю не удивило – во сне не удивляются. Двое, в бурках и лохматых папах, остановились поодаль.

Пока Толя думал, что ответить, вдали раздался топот множества копыт, крики, звон сабель.

– Вперёд! – крикнул кто-то, звякнула сбруя, кони сорвались с места и в мгновение ока скрылись в тумане. Толя постоял секунду и рванул за ними.

Впереди гроыхала битва: орали на разные голоса, гулко отдавался по земле топот копыт, ржали кони, звенел металл. Пару раз хлопнули выстрелы. Из тумана выскочили двое будёновцев и проскакали мимо, Толя заметил: крылья у них

другие, чёрные.

Он бежал, трава мелькала под ногами и вдруг резко закончилась, ботинки застучали по каменной поверхности. Толя едва успел остановиться – впереди был обрыв. Уже сделал шаг в сторону, искать обход, как туман внизу на миг разошёлся, и открылся небольшой фрагмент боя: конники скакали, кричали, рубили. Толя замер, наблюдая, но туман быстро окутал пространство внизу, а звуки стали отдаляться, стихать.

Толя постоял, глядя вниз, и пошёл искать спуск. Сбежав к подножию холма, упёрся в густой кустарник, попробовал обойти и вдруг наткнулся на людей. Это были давешний будёновец и комиссар в очках. Комиссара, видимо, ранило, будёновец перевязывал ему руку чистым белоснежным бинтом. Рядом щипали траву большущие светло-серые кони.

– Опять ты, – поморщился будёновец, увидев Толю. – Здесь нельзя находиться, уходи.

Толя посмотрел на их белые пушистые крылья.

– Мне нужна ваша помощь.

– Какая ещё помощь? – Комиссар снял очки, посмотрел близоруко. – Ты не ошибся?

– У меня там, на работе... монстр... спрут... – запинаясь, проговорил Толя. – Одни предлагают помочь, но я с ними не хочу... Я...

Тут поодаль хлопнул выстрел, второй, и хриплый голос закричал: «За Родину!»

– Туда! – Комиссар вскочил на коня и рванул в туман. Будёновец поспешил следом.

Толя побежал за ними. Белый хвост коня мелькал в тумане.

– Стойте! – прокричал Толя. – Эта война давно закончилась! Чем вы тут вообще занимаетесь?

Конь впереди резко остановился, развернулся боком, Толя едва не врезался.

– Чего ты за нами бегаешь?! – закричал будёновец.

Конь задёргал головой, встал на дыбы.

– Я не хочу с теми! – крикнул в ответ Толя. – Я с вами хочу!

Боец успокоил коня, спешился, взглянул на Толю. Потом снял шапку, взъерошил пшеничного цвета волосы. Посмотрел в сторону – то ли досадливо, то ли виновато.

– Это понятно, – сказал он. – От меня лично ты чего хочешь, здесь?

Толя посмотрел в его лицо и понял, что парень, наверное, младше него года на два-три, а то и больше.

– Дай подсказку, – сказал Толя.

Парень задумался, натянул будёновку.

– Подсказку? – Он пошевелил губами. – Ну, хорошо. Сейчас... Слушай:

Невидимый монстру,
Не признан никем,

Сжимает в руке он
Обломок меча...

Вставил ногу в стремя, запрыгнул в седло.

– Рифмуй сам, я не умею. И ещё, добавь там, что это воин... да, воин. Но устал он уже от всего этого...

Будёновец тронул поводья, тут из тумана вынырнула верховая фигура – комиссар.

– Да что ты с ним возишься? – крикнул он. – У него, вон, и крыльев нет.

Толя почувствовал, как сон резко уходит, покидает его. «Крыльев не-ет!» – зазвенело в туманной вышине, и Толя проснулся окончательно. Вскинулся, заозирался.

– А крыльев нет? – В кабинет заглядывал мужик в брезентовом плаще, с хозяйственной сумкой на колёсиках. – Тех, что по килограмму расфасованы. Тут что-то не видно.

Он уставился в висящий на стене у двери прайс-лист.

– Есть крылья, – сказал Толя устало и провёл ладонями по лицу. – Есть. Там внизу дописано.

* * *

Доработал Толя до окончания рабочего дня, по субботам в два часа закрывались. Пока переодевался, думал: ну что за странная эта вторая сторона? У тех, настойчивых – чудовища, спецэффекты. И стихи в рифму, и вообще всё солид-

но. А за этими бегать надо, вытягивать из них, выпрашивать подсказки... Что за дела? Ну, хоть что-то от них получил, есть над чем поразмыслить.

Решил, раз такое дело, не откладывать в долгий ящик, а заняться этим прямо сегодня, по горячим следам. Как раз суббота, Алёны дома нет – она недели две как на йогу записалась и ходила, не пропускала.

Переоделся и глотнул сока на дорожку. Решился, хоть и страшновато было. Рассчитал, что когда домой придет, сок и подействует. Но одного не смог предусмотреть: Вася позвонил. Попросил подождать немного: клиент должен подъехать, не мелочь какая-то – на сто пятьдесят килограммов заказ. Он и подъехал, через полчаса. Толя ему всё быстро вывез; тот извинялся, на чай дал, ещё и до остановки подвёз на своём «Москвиче».

И получилось так, что начало Толе ещё на остановке чудиться всякое. Сначала голоса слышались и замелькало что-то перед глазами. А потом дрогнул мир. Толя подумал: землетрясение, что ли? Потом вспомнил, понял: да, землетрясение – его, персональное. Присел поспешно на лавку – хорошо, место свободное было с краю, возле паренька в наушниках, – сжался, зажмурился. Посидел, прислушался к себе: ничего вроде, прошло. Открыл с опаской глаза – и увидел. Не такой мир стал вокруг. Не та реальность! Непонятное что-то, как бы слоёное – и знакомое есть вроде, и совсем что-то необычное. Тут мир встряхнулся снова, и смешалось

всё. Стало вроде бы как раньше, привычное, но нет-нет да и проплывали тут и там определённо чужеродные куски.

Толя посмотрел на людей, ощутил на миг теплоту к ним какую-то внезапную, и тут вдруг увидел, неудержимо прозрел все их мысли. И не просто там: «Надо хлеба не забыть купить» или «Ух, вот это буфера, моей бы такие», а как бы вселялся Толя в человека полностью, пусть на миг, собой быть переставал – им становился. И было это так невыносимо и противоестественно, что Толя лихорадочно, почти в истерике, разобрался, как этим управлять, и читать чужие мысли перестал.

Посидел, отдышался. Огляделся снова. На глаза попало объявление на столбе, знакомое уже: «РАБОТА». Ага, понял Толя, так вот оно что такое! Бывает зрение обычное, а бывает другое, внутреннее – так Толя его назвал. Суть оно позволяет увидеть, скрытые смыслы. Посидел, глядя на столб, постепенно научился переключаться, отрегулировал настройки.

Тут подъехал автобус. Толя поколебался и полез в салон.

Во время поездки открыл новую грань своего состояния: кроме внутреннего зрения есть ещё и внутренний слух. В автобусе играло радио, волна была из тех, что обычно играют в автобусах. Орало вовсю, но внутреннее восприятие, только что обрётённое, слышало тишину. В одной только песне проскочили две настоящие строчки. Лишь когда подъезжали уже к микрорайону, заиграло что-то из постсоветского рока – того, легендарного, что за свободу и прочую справедли-

вость. Вот это было настоящее что-то. И то, надо сказать, под внутренним восприятием сильно песню эту потрепало.

А ещё через ряд от Толи женщина читала газету, и вместо статей там рисунки пестрели, да такие, что Толя вздрогнул. Потом понял – осторожно надо внутренним зрением пользоваться.

Выйдя на остановке, снова наткнулся на приклеенное к стене объявление о работе и снова увидел оба значения. Промотрел ради интереса другие объявления. Продаётся детская коляска, пропала собака... Никаких подтекстов там не было.

Толя не смог себе отказать – зашёл ненадолго в супермаркет. Походил среди стеллажей: читал написанное на упаковках и ухмылялся. Потом увидел книжный отдел и немедленно пошёл туда. Полистал пару-тройку книг, постоял в задумчивости. Под прицелом внутреннего зрения книги на полках преобразились. Классики, представленные здесь в мягких обложках, блистали драгоценными переплётами, искрились мощью содержания. Полки с современной литературой, в реальности многоцветно пёстрые, под строгостью внутреннего взгляда почти полностью опустели. Толя взял книгу из тех, что остались, и обнаружил под обложкой белизну листов: ни строчки, только чистые страницы. «Видимо, – подумал, – замысел был достойный, да воплотить не получилось».

Однако хватит задерживаться, решил Толя и пошёл до-

мой.

Дома сразу запрыгнул на диван и попытался сосредоточиться на главном вопросе: поисках воина с обломком меча. Ничего не мешало: Алёна должна прийти не раньше чем через час. Где-то на нижнем этаже гудела дрель, но её было едва слышно. И всё же войти в нужное состояние никак не удавалось. Понапрягавшись минут пять, Толя понял, что именно не так: отвлекало одно желание – узнать, как же выглядят «под соком» ТВ-передачи.

«Я быстро», – подумал Толя, щёлкнул пультом и сконцентрировался на внутреннем зрении.

Почти все каналы пустовали, шипели серым. Пролистал каналов пятнадцать, из них новое зрение различило только три: по одному шёл старый фильм, по двум другим – концерт группы «Queen» и передача о космосе. Откровенную халтуру вроде дневных ток-шоу и сериалов внутренний взгляд просто не воспринимал, и на экране мерцал «белый шум».

Толя включил спортивный канал. Шёл футбол, матч национального чемпионата. «Перерыв», – подумал Толя, увидев пустое поле, потом посмотрел обычным зрением: нет, игра в самом разгаре! А внутреннее зрение показывало: лишь один семнадцатилетний пацан ошарашенно бежит по безлюдному полю, не понимая, что происходит, ведь где-то здесь должна быть игра.

Толя хлопнул рукой по дивану и зло захохотал. Потом

переключил телевизор на другой спортивный канал. Шла трансляция матча какого-то иностранного чемпионата. Вот там рубились по-настоящему. Оказалась видна и подоплека: деньги сражались против традиций. Деньги брали верх, но традиции не сдавались, бились ожесточённо. Смотреть было интересно, еле оторвался.

Размявшись на телевизоре, Толя глубоко вдохнул и заставил себя думать о комбинате.

И постепенно что-то начало получаться. Под внутренним взором замелькали люди, их взаимосвязи и ещё нечто трудноуловимое, но упорядочить всё это Толя и близко не мог. Помучившись минут пять, переменял тактику: стал просто вспоминать, прокручивать в уме весь день, с самого утра. Вспоминал всех, кого видел на работе.

К проходной Толя подошёл одновременно с бухгалтером комбината Бакланской. Поздоровался, та едва заметно кивнула. В этой немолодой полноватой женщине всегда ощущалось почти не сдерживаемое высокомерие, надменность. Теперь, видя её другим, внутренним зрением, Толя всмотрелся, пытаясь узнать, на чём же основывается такое отношение к окружающим. С удивлением понял: высокомерие это не требует обоснования, оно просто есть, и всё тут.

И ещё явственно ощутил: с бухгалтершей определённо что-то не так. Но что именно, понять не смог.

Когда Толя отпирал кабинет, подошёл Валера Баранов, немолодой водитель с бакалеи. Поговорили о футболе. Ва-

лера собирался увольняться, уже подыскал другую работу. Толе не сказал, но теперь тот сам смог это увидеть: сок действовал. Валера не был тем, кого искал Толя.

Потом Валеру позвал кладовщик с бакалеи, Вадим Максимыч. Максимыч работал здесь уже много лет. Это грузчики на бакалее менялись так, что Толя не успевал их запомнить. И лишь один, немолодой беззубый Витёк, держался уже довольно долго. Он пил по-чёрному и выглядел почти инвалидом, но избегал увольнения. Теперь Толя увидел, почему Максимыч не выгоняет Витька. Всё просто: Витёк стучал Максимычу на грузчиков, водителей, экспедиторов и на всё на свете.

И с Максимычем, и с Витьком тоже было что-то не так, и Толя снова не смог понять, в чём там дело.

Потом вспомнил ещё кое-что. Утром у ворот комбината случилась небольшая авария: фура, въезжая, задела и поцарапала легковушку. Водители нервничали, долго ждали ГАИ. И теперь Толя увидел столько всего... Что мелкая эта авария – просто компенсация за то, что могло случиться с дальнобойщиками на ночной трассе, на участке с затяжным спуском. Но не случилось. А не случилось, явственно увидел Толя, лишь благодаря худенькой согбенной старушке, которую дальнобойщик пропустил на пешеходном переходе ещё на выезде из города отправки – причём пропустил почти случайно, и оба водителя, сидевший за рулём и напарник, одновременно выругались. И если бы старушка та не посмотрела

с благодарностью вслед и не прошептала что-то, похожее на «счастливо вам, сынки»...

Но пути фуры и водителей были слишком сложны. Толя смог увидеть лишь, что внимательно глядевшие с крыши небольшие чёрные птицы сидели утром не просто так. Дальше увидеть не смог, да и пытаться не стал: о деле нужно думать.

Продолжил обзор воспоминаний и персоналий.

Низкорослый золотозубый водитель электропогрузчика Стас стучал на арендаторов директору комбината Быкову, а при случае и обворовывал. А ещё, увидел Толя, в молодости он убил человека, а сел только через полтора года по другому делу.

Дальше, вспомнил Толя, у дверей конторы мелькнула стройная фигурка секретарши Светы. Грузчики похабно заулыбались: все были уверены, что Быков держит её не просто так. Толя едва смог удержаться от того, чтобы узнать об этом всё. Стало стыдно, а скорее – противно. И тут Толя понял, что можно рассматривать комбинат и его обитателей быстро, схематично, не вдаваясь в лишние – и почти всегда неприятные – подробности. Чтобы найти то, что искал, будет достаточно и такого способа. Улёгся поудобнее на диване, закрыл глаза...

И мысленно воспарил, взмыл над комбинатом, наблюдая прямоугольник двора и серые строения внутри. И точки людей. Бегло изучал их, перебирал, просеивал, будто копа-

ьясь в жмене семечек в поисках затерявшейся монетки.

«Пьяница, пьяница, – перебирал Толя работников комбината, – бывший талантливый музыкант и тоже пьяница... Вот скрытый шизофреник, ещё пара алкоголиков... Тут алкоголик, он же извращенец, бр-р... Кто дальше? Ух ты, наркоман!.. Ещё пьяница, уже с циррозом. Вот ещё один алкоголик, но в завязке – борется, надо же. Вот тип только что из тюрьмы и скоро обратно туда же... Дальше – ещё два парняги уголовного склада ума, с легко читаемой судьбой... А вот... Ничего себе: голубой! Кто это? – Толя присмотрелся. – Надо же... Но, – подумал, – что теперь делать? Я не хочу этого знать... Хм... А, вот как... – разобрался, понял: не всё здесь увиденное обязательно сохранять в памяти, тащить в своё сознание. – Слава тебе, господи...»

Взгляд на минутку остановился на кладовщице с мороженого, Лене. Эта была честная. Измученная, издёрганная женщина, жила она только ради дочери. У неё на складе, увидел Толя, давно тянется огромная и постоянно увеличивающаяся недостача – что-то воруют грузчики и водители с экспедиторами, где-то она сама ошибается. Лене больше года удаётся скрывать это от дирекции фирмы. Как решить проблему, Лена не представляет, так и живёт, мучаясь, постоянно об этом думая.

Лена точно не то, что он ищет, понял Толя.

Он переместил свой пронизывающий взор от складских помещений к гаражам и мастерским, но и там того, кто мог

оказаться нужным, не нашлось. Там работали люди, у которых всё осталось в прошлом, в настоящем были только болезни, алкоголизм и надвигающаяся старость.

Толя открыл глаза, полежал задумчиво, потом снова сосредоточился.

Дальше наткнулся внутренним взглядом на Лосева. Улыбнулся: а Вася почти такой же простой, каким кажется. Хороший мужик. Хотя и не честен. Но куда в торговле с честностью? Лосев как-то говорил:

– Столько приходится врать... Продаёшь – врёшь, закупки делаешь – врёшь. С налогами, опять же. А уж если проверка...

Толя тогда удивился, как такие мысли уживаются в Васе со всем остальным.

Ещё Толя увидел, что Лосев очень ценит его, считает, можно сказать, незаменимым. И готов платить больше, как минимум, раза в полтора. Подумал: честно ли будет воспользоваться этим знанием? И решил поразмышлять об этом позже.

Грузчиков с рыбы «просеял» быстро – этих знал хорошо, всё с ними понятно. Кладовщик Сергеич уж точно не воин со сломанным мечом. Будь у него меч, давно толкнул бы налево или в пак с сёмгой подложил, для веса. А вот второй кладовщик – новый, Гуськов – Толю заинтересовал. В его, Гуськова, душе, где-то в постоянно уменьшающихся, съёживающихся под натиском жизненных обстоятельств ареалах,

обитала хилая, давно приученная к компромиссам, сговорчивая, но – совесть. Как же несладко ей здесь придётся, понял Толя. И увидел, что с Гуськовым тоже что-то не так. Что-то странное в нём почудилось. Как и в тех, других, но – иначе.

Дальше в поле зрения попал человек с самыми большими на комбинате доходами: директор рыбной компании, главный арендатор Соболев. Толя узнал много нового. Оказалось, жизнь у Соболева не так безоблачна, как все об этом думают. Несмотря на «Лексус» и всё остальное. У этого невысокого коренастого мужчины хватало забот. Забеременела любовница и поначалу скрыла, теперь будет рожать. Жена, кажется, о чём-то догадывается. А ему жалко обеих: он, что удивительно, не совсем сволочь. И на фирме не всё благополучно, скорее, наоборот, и учредители недовольны. Тоже, кажется, о чём-то догадываются. Да, нелегка жизнь у Соболева.

А вот уборщица, баба Маша, человек с самыми маленькими доходами. Недавно к ней приехала погостить внучка. Толя слышал, она кому-то рассказывала. Теперь он увидел, как это – быть счастливым. Оказывается, для этого много и не надо. И Толя узнал, что именно для этого надо. И тут же понял, что в ту, настоящую жизнь, простой этот рецепт не протащить – ни за что и никогда. А если и протащишь каким-то чудом, там оно покажется глупостью, примитивом, банальностью из тех, что полно в любом женском журнале...

Это всё хорошо, подумал Толя, но где же чёртов воин со

сломанным мечом? Неужели в конторе?

Стал перебирать обитателей двухэтажного здания, где находилась администрация комбината, а также руководители фирм и их немногочисленные служащие.

Сычѳв и Собакин, директора бакалеи и мороженого – просто мелкие сволочи, забравшиеся на сравнительно высокие должности благодаря способности к интригам. Рыбника Соболя Толя уже рассматривал. Весь персонал торговых фирм работал самое большое полгода, кроме одной молодящейся тѳтки: та перешла бухгалтером в бакалею три года назад, а до этого сидела здесь же, на комбинате. Толя присмотрелся к ней и скривился: светлым воином она точно не была. Посмотрел на сторожей – тоже те ещѳ типы. Гадюкина и рассматривать не надо, и так всё с ним понятно.

Толя принялся за руководство и администрацию комбината: директора Быкова, бухгалтершу Бакланскую, болезненного вида вторую бухгалтершу по фамилии Мышаева, а ещѳ экономиста, секретаршу, престарелого главного инженера Туканова, директорского водителя Курочкина... Оглядев, восприняв всю эту компанию вот так, вместе, Толя вдруг заѳрзал на диване. Что-то непонятное, страшное мелькнуло в сознании, он шарахнулся, отшатнулся от этого видения, не смог его понять, осознать, принять в полной мере. Сел на диване, растерянно потѳр виски и щѳки... А потом вдохнул поглубже, упрямо сжал зубы и закрыл глаза, лицо его стало сосредоточенным.

Большая, жутковатая картина постепенно открывалась, как будто выплывая из темноты. И отдельные части становились на место, дополняя общее, помогая его понять. Всё тот же огромный шевелящийся спрут заворочался перед внутренним взором Толи. Здесь монстр предстал полупрозрачным, сероватым, как бы сотканным из тумана и чего-то невидимого, но реально существующего, как магнитное поле или радиоволна. Щупальца чудовища шевелились, и Толя увидел: этими щупальцами были люди. Директор Быков, бухгалтер Бакланская, ещё конторские, а также кладовщик Сергеевич, Витёк, карщик Стас... Да они уже как бы и не совсем люди, понял Толя. А другие – кладовщица Лена, бухгалтер Мышаева и ещё кто-то – показались опустевшими, иссушенными, высосанными оболочками. Спрут опустошил их тела... Нет, не тела, понял Толя – души...

От увиденного стало страшно, невыносимо, как будто вот здесь, перед ним, убивают человека, а он, Толя, ничего не может сделать. Он заметался, закричал, открыл глаза и пришёл, наконец, в себя.

Тут же послышался звук вставляемого в замочную скважину ключа: вернулась Алёна. Толя вскочил, вышел навстречу, остановился в коридоре и вдруг ощутил тёплую, светлую волну исходящей от Алёны любви и радости. Особенно подействовало это на контрасте с холодными злыми пучинами, откуда он только что вынырнул.

Алёнка посмотрела приветливо – обижаться ей, похоже,

надоело.

– Ты тут что-то кричал?

– Да так, – смущённо пробормотал Толя. – Гол пропустили.

Алёна улыбнулась. «Как же сильно она любит меня, дурака», – понял, увидел Толя, удивившись, почти ужаснувшись мощи её чувства. Неожиданно перехватило горло. Он поспешил в ванную и там, сам себе поражаясь, разрыдался, едва успев включить воду, чтобы заглушить всхлипы.

Хорошенько умылся, изучил придирчиво в зеркале лицо, шагнул из ванной. Подошёл к Алёне, посмотрел в глаза, прижал к себе. С минуту они так простояли. Когда она начала удивлённо поглядывать, Толя заставил себя наконец её отпустить.

– Знаешь, – сказала Алёнка уже на кухне, – а я не на йоге была. Я к бабке ходила, знахарке.

Посмотрела на Толю, ожидая, наверное, ироничного взгляда или насмешливых слов, но тот слушал серьёзно, внимательно.

– Бабка сказала, на мне какая-то порча, – продолжала Алёна. – Такая плохая, что сама она снять её не взялась. Ты не смейся, – сказала Алёна, хоть Толя и не думал смеяться, – но я ей верю. Я-то сначала к настоящим врачам ходила: к терапевту, у невропатолога щитовидку проверила. Говорят: всё у вас хорошо. – Она улыбнулась так, что у Толи

кольнуло в сердце. – Но у меня-то не всё хорошо...

Толя сидел, не зная, что на это ответить.

– А ещё, – продолжила вдруг Алёна, – бабка и про тебя сказала. Что у тебя сейчас в жизни очень непростая пора. Предстоит сделать сложный выбор...

Её глаза заблестели как-то пронзительно:

– У тебя кто-то есть? Ты собираешься меня бросить?

Толя крикнул, чуть не подавился воздухом, потом весь сжался, титаническим усилием сдержал истерический хохот.

– Ну ты и д... даёшь! – выдохнул хрипло. – Вот же глупыш!

Посмотрел на неё долгим взглядом, протянул руки:

– Иди сюда.

Вечером Толя обдумывал увиденное. А потом и на следующий день: воскресенье, было время поразмышлять.

Да, масштабное его посетило видение, ничего не скажешь. Откровение почти что. Люди-щупальца... Не бред ли это совсем? Нет, подумал Толя, не бред: слишком хорошо всё складывается в чёткую картину. И если существуют призраки, почему не может существовать потусторонний монстр, порабащающий людей, превращающий их в вызывающее оторопь и содрогание нечто?

То, что он увидел эту чудовищную картину, расшифровал часть окружающего мира, смог постигнуть – однозначно удача. Но искал он вообще-то другое – война со сломан-

ным мечом искал. Ну и где этот воин? Может, нет его давно – сожрал спрут и мечом сломанным не подавился... А эти, будёновцы, и не знают – скачут там на кониках, в войнушку играют. Кавалеристы хреновы... А тут не кавалерия, тут, скорее, артиллерия нужна, танки...

Что делать – надо дальше искать. Вот только сок закончился...

* * *

На третий этаж за соком Толя отправился в понедельник, в обед. Съел быстро бутерброд, вышел на эстакаду, замкнул кабинет. Невдалеке облепили стол грузчики с рыбы, разгадывали кроссворд, работы в последнее время у них было совсем мало. Толя попросил сказать: если что – он скоро вернётся.

Для вида постоял у двери, нажимая кнопки на телефоне, выбрал момент и нырнул в лестничный проём.

Забежав наверх, быстро снял оконное стекло и влез в сумрак большого пыльного коридора. Постоял, поморгал, пока глаза привыкали к полумраку. Днём здесь не так страшно, как ночью, но всё равно жутковато. Толя опасливо посмотрел в угол, откуда в прошлый раз его пугало что-то большое. В углу было пусто. Рядом на полу заметил старую швабру. Поднял, наступил, легко отломил поперечину и, сжимая это орудие, двинулся вперёд.

До стола с бумагами и притаившимся за ним бюстом Ильича добрался без приключений. Дальше было легче: в большой Г-образной камере сквозь дыры в крыше полосами проникал дневной свет. Толя почти дошёл до угла, и тут вверху что-то задвигалось, зашуршало. Отпрыгнул, едва не выронив палку, прикрылся, защищаясь, взгляд метнулся наверх. В прорехе крыши на фоне облачного неба шевелились серые тушки. Голуби, мать их! Какие же громкие...

Вздыхнул, хмыкнул, пошёл дальше. Пахло затхлостью, мышами. Ступая по пыльному бетону, картонкам, большим кускам ветхого полиэтилена, обходя штабеля поддонов, кучки тухлявых ящиков из-под солёной кильки, Толя думал: невозможно поверить, что ночью здесь кипит потусторонняя жизнь, веселятся толпы призраков, носятся inferнальные собаки... Может, это всё ему просто привиделось? А может, привидения и сейчас наблюдают – из стен, из тёмных углов?...

Тут Толя добрался до места, и мысли резко поменяли направление. Там, где раньше поблёскивали металлическими крышками ряды пыльных банок, теперь в подсохшей луже лежала лишь груда осколков. Ни одной целой банки! Толя постоял, потом прошёлся, посмотрел по углам, под стенами, посветил телефоном за горами поддонов. Ничего. Нашёл только дохлую крысу, большущую, толстую.

Побрёл уныло назад. Что теперь делать? Вся надежда на Михалыча: может, знает про другие запасы сока. Ну, или

придумает, посоветует что-нибудь.

Проходя мимо стола с кипами бумаг и бюстом, Толя зацепил стопку зашнурованных папок, те рассыпались по полу, подняв облачко пыли. На глаза попался белого цвета то ли альбом, то ли журнал в твёрдом переплёте. Наклонился, поднял. На обложке красовалось фото: проходная комбината, чистая, нарядная, в окружении пышных деревьев. Ниже написано: «Слава труду! 1982».

Толя отошёл туда, где посветлее, раскрыл журнал, бегло пролистал. С фотографий заулыбались ударники труда: белозубые водители, молодые учётчицы и средних лет товароведы, счетоводы в галстуках и очках – обычная совдеповская показуха. На одном фото Толя узнал Быкова – тогда ещё, конечно, не директора. Узнал случайно – тот был молодой, подтянутый, почти не толстый. Сунул журнал за пазуху: захотелось просмотреть, когда будет время, не спеша.

Раздосадованный потерей сока, Толя наскоро вставил на место стекло и сбежал по ступенькам. У двери кабинета уже ждали – покупатели. Приходящая каждую неделю невыносимо приветливая старушка заглянула Толе в лицо:

– Можно три килограммчика окорочков?

– Давайте пакет, – пробурчал он.

Не успела уйти старушка, как на старой белой «Волге» прикатила суетливая и шумная компания с какого-то предприятия. Эти мучили Толю с полчаса: выбирали, вычисляли, просили развесить им всё по куче разных пакетиков. Рас-

платились и тут же стали все вместе что-то громко пересчитывать; результат не понравился, о чём они и заявили. Толя быстро бросил их покупки на весы-площадку рыбников, убедился, что всё посчитал правильно, хотя в этой кутерьме не мудрено и ошибиться. Компания проверила свои записи, отыскала ошибку, извинилась и наконец-то уехала.

Толя прибрал пустые коробки и мусор, ушёл в кабинет, посидел там, поиграл на телефоне, а потом вспомнил о журнале. Протёр белую книжицу салфеткой, не спеша полистал, посмотрел на лица, на знакомые, ещё не тронутые разрухой места. Да, жизнь при Союзе тут кипела, вон какие толпы на фото. Тем грустнее им всем, наверное, наблюдать теперешний развал...

И тут Толя замер, уставившись в очередную картинку. Групповое фото, пять человек на фоне какого-то здоровенного механизма. Подпись гласила: «Работники цеха холодильных установок», фамилии не указаны. А один из этих пяти, белобрысый парень в рубашке с коротким рукавом – тот самый! Кавалерист, будёновец из сна! Тот, что дал подсказку.

Толя заёрзал, лихорадочно пролистал журнал до конца. Будёновец больше не попался. Кто же это, мать его, такой? Как узнать?

Посидел, нервно покачал ногой и понял: да очень просто узнать. Нужно спросить того, кто здесь давно работает, старожилы тут полно. Не желая терять ни минуты, вскочил,

пошёл к двери и остановился. Нет, спешить не нужно. У тех, кто в обзорном видении представлялся щупальцем спрута, спрашивать, пожалуй, не стоит. А у кого же тогда? И тут осенило: баба Маша, уборщица! Говорили, она главный ветеран комбината, дольше всех тут работает.

Уже подходя к бытовке около проходной, Толя подумал: как же так получилось – баба Маша столько лет здесь, она добрая, не подлая, и до сих пор её не убило, не переварило? Как же она держится? Может, всё-таки она и есть тот светлый воин?

Стал вспоминать видение. Сначала воспоминания приходили тяжело, а потом как нахлынуло, Толя едва не потерялся, с трудом осознав, когда отпустило, где находится и куда идёт. Остановился, ещё раз прокрутил всё в голове. И понял: да, баба Маша личность светлая. Но не воин, точно не воин. И умение противостоять – это только её умение, выстраданное, с большущей долей везения сложившееся, нащупанное интуитивно. Для других оно непостижимо, бесполезно. Главное в нём – смирение, непротивление. И для воина это, конечно, не пригодится.

Бабу Машу Толя нашёл в коридоре возле туалета, она мыла полы.

– Здравсьте, тётъ Маш, – подошёл к ней. – А можно у вас кое-что спросить?

Протянул открытый на нужной странице журнал, показал пальцем:

– Вы не знаете, кто вот этот?

Баба Маша прислонила к стене швабру, вытерла руки о халат, взяла журнал. Подошла под лампу, откуда-то достала и надела очки.

– Который?

– Вот этот, – показал Толя.

Баба Маша приблизила журнал к лицу, потом отдалила.

– Так это Паша Скворцов.

Она закрыла журнал, посмотрела обложку:

– О, у меня тоже где-то такой лежит. – Улыбнулась, полистала. – Тут и я есть.

– Скворцов... – пробормотал Толя. – Константиныч, что ли? Который компрессорщик?

Баба Маша посмотрела в журнал, подняла взгляд на Толю:

– Что? А, да, он. А вот я.

Она протянула раскрытый журнал. Толя посмотрел на фото немолодой полноватой женщины в платье в горошек, отдалённо похожей на бабу Машу. «Заведующая столовой Мария Ивановна Лебедь», – прочитал он под фотографией.

«Скворцов, значит, – думал Толя, идя вечером домой, – Павел Константинович... Под самым носом сидит – в компрессорной. И как я про него раньше не подумал? Когда после сока комбинат рассматривал – вообще не увидел. Странно... Что же, получается, молодой Константиныч дал мне подсказку о себе самом постарше?»

Толя решил, что так оно и есть. Больше воином со сломанным мечом быть просто некому.

Воодушевлённый удачей с фотографией, Толя пришёл домой, и там его воодушевление мигом пропало. Алёнка вышла навстречу осунувшаяся, не похожая на себя. С кухни странно пахло, посмотрел – в накрытой миске настаивался отвар каких-то трав.

Подошёл к Алёне, та обняла его, уткнулась головой в плечо.

– Мне страшно, – услышал её шепот.

Прижал к себе, погладил по голове. Что ей сказать, не знал.

Ночью Толе приснился старый кошмар, но в новой версии. Теперь во сне с ним была Алёнка. Толя шёл на комбинат, и она шагала рядом. Хотел остановиться – и не мог, ноги сами вели туда, к монстру. «Не ходи со мной!» – силился крикнуть, но получались только стоны и жалобное мычание. Раньше Толя думал, что ничего хуже кошмара со спрутом и быть не может, теперь понял – может, ещё как может. Когда они с Алёной оказались в камере и из стены полезли толстые щупальца, Толя с усилием проснулся, сел на кровати, приходя в себя. Ничего себе...

И тут почувствовал: рядом мечется, стонет Алёнка. Зажёг свет, бросился будить. Долго не получалось, а когда вырвал-таки жену из тисков сна, наполненные ужасом глаза не

узнавали Толю, и с минуту она кричала и яростно отбивалась, а потом, постепенно стихнув, вдруг затряслась в рыданиях. Толя увёл Алёну на кухню, буквально влил в неё стопку водки, а когда закипел чайник – горячего чаю.

Они просидели на кухне до самого рассвета, но и потом ложиться в кровать Алёна отказалась, и Толя уложил её в другой комнате на диване, а сам примостился рядом на полу.

* * *

На следующий день Толя, отработав, закрыл торговлю на час раньше: нужно действовать, тут не до трудовой дисциплины.

Завесил средних размеров мороженую курицу, положил в пакет к двум бутылкам водки и отправился к Скворцову – пока тот домой не ушёл. Скворцов работал компрессорщиком, и от него зависело, какая будет температура в камерах. Толя постучал, заглянул. Скворцов в потёртом рабочем комбинезоне сидел за столом, читал газету. Он удивлённо посмотрел на Толю поверх очков.

– Здравствуй, Константиныч, – сказал Толя. – Тут тебе просили передать...

Достал и положил на стол курицу, бутылки поставил рядом, прямо в пакете, придержал, чтобы не упали.

– У нас там в камере двенадцать градусов, – сказал Толя. – Маловато. Василий просит догнать хотя бы до пятнадцати.

Скворцов снял очки, положил на газету, отодвинул в сторону. Заглянул в пакет, хмыкнул в усы. Пригладил седоватые волосы.

– Садись, – указал на скамью. Толя отодвинул картонный короб, где блестели стёклами противогазы, сел. В этой камерке Толя раньше не был – заглядывал, но ни разу не заходил. Осмотрелся. На соседнем длинном столе лежали раскуроченный магнитофон и паяльник на подставке. Пахло канифолью и машинным маслом. За прикрученными к столу небольшими тисками стоял ящик со слесарным инструментом, пылесос без верхней крышки, пара картонных коробок. На стене располагалась большая картина – берёзовая роща в толстой резной раме, рядом с картиной, ближе к нижнему краю, висел небольшой портрет Высоцкого, известный – где он с сигаретой между пальцами.

Скворцов закрыл дверь на крючок, достал из пакета бутылки, спрятал в ящик стола, курицу отнёс в маленький чумазый холодильник. Позвенел в шкафу посудой, на столе появились банка с солёными огурцами, блюдо с салом, чёрный хлеб в целлофановом пакете. Сходил к вешалке, где висели чистый плащ, телогрейка в пятнах мазута, а между ними длинное меховое пальто. Из кармана пальто достал бутылку водки – начатую, примерно без трети – поставил на стол.

– Разливай. – Он протянул Толе стаканы, сам взял нож с перемотанной синей изолентой ручкой, стал резать сало.

Стаканы были классические, гранёные, почти чистые. Толя разлил по половине. Всё шло по плану.

– За сотрудничество, – улыбнулся Скворцов.

Чокнулись, выпили. Закусили, похрустев огурцами.

– Ты же не городской, да? – спросил Скворцов. – Где родился, вырос?

Толя рассказал.

– Я там бывал, – обрадовался Скворцов. – У дружбана моего старинного жена оттуда, они в училище познакомились. Мы в первый раз как туда поехали, додумались на танцы вечером пойти. Еле ноги унесли. Если бы не её брат, нас бы там и покалечили на фиг.

Он замолчал – сидел, улыбался.

– И что, живут? – спросил Толя.

– Кто?

– Ну, дружбан с женой.

– А, – сказал Скворцов. – Живут, наверно... Давно не виделись.

Он разлил по стаканам остаток. Выпили.

– Вообще, – сказал Скворцов, занюхав кусочком хлеба и бросив его в рот вместе с маленькой полоской сала, – я заметил: люди из села как-то честнее, порядочнее по жизни.

Толя был не вполне согласен, но возражать не стал. Да он и не считал себя сельским жителем – вырос в двухэтажном многоквартирном доме, к тому же на втором этаже.

Тут Толя подумал: чего это Скворцов завёл разговор о

честности? Прямо как Михалыч в первую встречу. Случайность? Ждал внимательно, что будет дальше. Но Скворцов достал из стола новую бутылку, открыл, разлил и начал рассказывать, как в детстве каждые каникулы ездил к бабушке с дедушкой в деревню, и как там было хорошо. На минутку Толе стало стыдно: он-то пришёл к Скворцову, чтобы напиться и разговорить. Тоже, честный выискался... Но, вспомнив об Алёне, отогнал неуместные мысли.

– А на лошади ездить умеешь? – улучив момент, спросил как бы невзначай.

– А то! – Скворцов усмехнулся, и Толя так и не решил, усмехнулся он, раскусив хитрость, или просто улыбнулся детским воспоминаниям.

Скворцов рассказал, как они курили втихаря в колхозном саду, а сторож, ветеран, бывший лётчик, их гонял. Как он, Скворцов, в футбол за колхоз играл, и один раз они первенство района выиграли; а на следующий год на игре бежал и в кротовую нору на полной скорости ногой попал, и в колене хрустнуло, больно было до ужаса, и с тех пор он с футболом закончил.

Толя тоже рассказал, что и он за свой совхоз играл, но они так ни разу ничего и не выиграли, хотя Толя, а он вратарём был, хорошо тогда стоял, его даже один тренер команды Второй лиги приезжал смотреть и обещал пригласить, но спился он, Толя потом узнал. И как они с пацанами рыбачили ночью на кооперативном пруду и видели, что бандиты в посад-

ку кого-то привезли и кричали там, кажется, убивали даже. Толя с пацанами, конечно, потом туда пошли, когда бандитские иномарки уехали, но не нашли ничего, даже крови нигде не было.

Снова забулькала водка, наполняя стаканы. Толя понял, что уже изрядно опьянел. Пора переходить к делу. Скворцов выловил из банки последний огурец, порезал на мелкие дольки. Толя решился.

– Слышь, Константиныч, – посмотрел он Скворцову в лицо, – скажи, а ты, как бы... Ты что, того... ангел небесный?

Рука Скворцова с наколотым на вилку кусочком огурца замерла.

– Что? – Он крякнул, отложил вилку, воззрился насмешливо. – Толик, ты что, охренел?

Ухватил себя за нагрудные карманы комбинезона, подёргал:

– Не видно разве? Слесарь я, компрессорщик!

Толя забормотал про сон, про фото и понял, что язык заплетается, слова и мысли путаются. План разговора, что подготовил перед визитом, вылетел из головы напрочь. Не надо было пить наравне со Скворцовым, понял Толя. Он хоть и хилый с виду, стаж-то у него на комбинате – о-го-го! Куда там его перепить... Толя по сравнению с ним – просто юниор.

Скворцов посмотрел на Толю, покачал головой: «Да уж...» Потом мягко поднял за плечи, повёл к двери. Толя не

сопротивлялся.

– Температуру я вам сделаю, – сказал Скворцов на прощанье. – А вот пить с тобой, Толян, не обессудь, больше не буду. Ну тебя на фиг.

Махнул рукой и закрыл дверь.

– Ангел небесный... Вот же дурбещело... – услышал Толя, уходя.

Задача спить Скворцова и что-нибудь выведать была провалена, зато сам Толя напился в дымину. Бредя, как в тумане, он направлялся в раздевалку, когда взгляд его упал на ворота склада.

«Ага», – подумал Толя.

Что «ага», он и сам не знал, но, сорвав пломбу и быстрым, механическим движением открыв навесной замок и распахнув створку ворот, вошёл в морозильную камеру. Мёртвые куры никак не отреагировали на его появление. Он остановился посреди камеры и мутным взглядом обвёл свои владения. Тут на глаза попала большая, в разводах, стена.

– Ага! – повторил Толя вслух и двинулся к стене.

Не доходя до стены пару шагов, подпрыгнул и ударил в неё ногой – зря, что ли, на карате полгода ходил? На пол посыпалась извёстка, упали куски штукатурки. Упал и сам Толя. Тут же вскочил, ещё раз пнул стену, потом стал бить в неё кулаками.

– Открывай, сука! – кричал он. – Выходи, поговорим!

Стена молчала. Внизу, куда ударил ногой, отвалились небольшие куски, ещё больше обнажив проржавевшую металлическую сетку, а от кулаков даже и вмятин не осталось.

– Зассал, урод? – Тяжело дыша, Толя сел на неполный поддон с морожеными курами, изо рта шёл пар.

Стена молчала. Толя полез в карман и надел вязаную шапку. Когда доставал, из кармана выпала рабочая перчатка, белая с синими пупырышками. Поднял, посмотрел. Потом вдруг вскочил и швырнул перчатку в стену.

– Вот, сука! – крикнул. – Понял?! Вызываю тебя! Понял?!

Стена молчала. Толя покричал ещё немного и побрёл на выход.

* * *

Домой Толя пошёл пешком. По дороге не то чтобы протрезвел, но хоть немного, как говорят, протрях. Алёнка его состояние, конечно, заметила – где уж тут не заметить, – но ничего не сказала.

На ночь Алёна выпила каких-то таблеток и спала лучше, чем вчера. И всё равно один раз среди ночи вскрикнула, села на кровати. Толя тут же проснулся, подскочил.

– Спи, спи. – Алёна положила руку ему на плечо, посидела, потом пошла на кухню. Толя улёгся, полежал, прислушиваясь. На кухне звякнула чашка, зажурчала вода. Алёнка вернулась, легла, и Толя сразу заснул.

Утром на работе всё было как обычно. Толя переоделся, вышел на эстакаду и вскоре увидел заезжающий во двор «Форд-Транзит» Васи. Направился в коридор за тачкой, на ходу доставая перчатки. Одна куда-то подевалась. Перерыл все карманы, залез пальцем даже в дырку в подкладке – нет перчатки. Только тут вспомнил Толя вчерашнее. «Да уж, – усмехнулся, – видел бы кто...» Зашёл в склад, проверил на градуснике температуру, прошёл к стене.

Перчатки не было.

Толя проверил под стеной, поотбрасывал куски штукатурки, заглянул под поддоны. Не было перчатки. «Вроде не забирал я её, – подумал неуверенно. – Может, крысы утащили?»

Брошенная ли спруту перчатка стала тому виной или просто так совпало, но день оказался насыщен неприятностями, они сыпались одна за другой.

Сначала Толе наехали на ногу погрузчиком. Карщик Стас долго извинялся – похоже, наехал нечаянно. Хорошо, Толя работал в армейских ботинках – к вечеру нога почти не болела.

Потом возле туалета на Толю напала собака. С обратной стороны комбината под заброшенной эстакадой жила целая стая, сюда они забредали редко, но эта почему-то забрела. Толя поначалу не обратил на псину внимания, а когда та пару раз гавкнула и зарычала, наклонился на ходу, делая вид,

что подбирает камень. Собака отбежала, Толя пошёл дальше и вдруг почувствовал сзади движение, в последний миг успел отдёрнуть ногу. И то успел не вполне – зубастая тварь ухватилась за штанину и оборвала книзу полосу ткани. Толя бросился к собаке, целя приложить с ноги, но та резво отбежала, остановилась поодаль, полаяла и потрусила за угол. Пришлось ходить по бытовкам и кабинетам, просить нитку с иголкой.

Потом на Толю чуть не упал кусок стены. Крыша над кабинетом была дырявая, в дождь текло и на эстакаду, и в помещение; стена у двери давно растрескалась, кусочки разных размеров откалывались нередко. Теперь кусок отвалился немалый: Толя как раз зашёл в кабинет, и через секунду грохнуло. Открыл дверь, посмотрел: ничего так. Убить бы не убило, но мало бы не показалось, думал он, идя за ведром и лопатой.

А после обеда Толя чуть не попал под машину. Шёл в мастерские к подсобникам, договориться насчёт стены, пока совсем не развалилась, и когда проходил у припаркованной около бакалейщиков фуры, шагнул прямо под выезжающий зелёный жигуль с прицепом. Жигуль затормозил, шины громко прошуршали по пыльному асфальту, Толя отпрыгнул. Водитель, губастый пацан в футболке с Металликой, что-то крикнул в окно и даже вроде как собирался выйти, но мама с пассажирского сиденья цыкнула, и машина рванула с места, звякнув в прицепе банками.

Часов в десять утра в кабинет внезапно завалился грузчик с рыбы, новый, недели ещё не проработал. Да и не грузчик уже почти – по всем признакам без пяти минут безработный. Поперёк лица у парня пролегли борозды подживающих царапин, под глазом переливался сине-зелёными оттенками смачный синяк.

– Слышь, брат, – он дыхнул таким перегаром, что и лояльный в этом деле Толя диву дался, – подкинь штуки четыре окорочков, а? Срочно надо.

Толя посмотрел удивлённо: бывают же экземпляры...

– Извини, дружище, – развёл руками, – нет сейчас такой возможности.

Визитёр прищурился, подвигал нижней челюстью.

– Что, не можешь помочь? Своему же брату, грузчику, – проговорил он, жестикулируя у Толи перед лицом.

– Не могу. – Толя прошёл к двери, открыл. – Пойдём.

Как уже говорилось, все на эстакаде были уверены: продавая пару килограммов какой-нибудь куриной разделки, Толя кладёт деньги в карман. Вытащить из коробок по одному или два окорочка совсем не сложно, почти везде так и делали, и оптовики давно смирились с этим. Толя иногда думал: доведись объяснять, почему он этим не занимается, понял бы его хоть кто-то из окружающих? Наверное, проще всего было бы прикинуться сильно верующим. В любом случае, его посчитали бы малахольным, каким-то странноватым идиотом.

Но то с вменяемыми людьми. Объяснять же что-то вот этому чувырлу Толе бы и в голову не пришло.

– Что, зажрался, да? – громко сказал грузчик, выйдя на эстакаду.

– Давай, иди уже!

Толя замкнул кабинет и пошёл в склад, хотя в склад ему было не нужно.

Пощарапанный появился ещё раз, примерно через час, когда Толя шёл за заказом. Тип нырнул следом, в коридор:

– Эй, маэстро! Я придумал! Дай окорочков, а я тебе потом рыбой возьмешу. Буквально на днях. Сегодня, видишь, не могу: творческий кризис.

Толя усмехнулся.

– Не, не могу, – сказал твёрдо. – Извини, некогда мне.

Толе действительно было некогда – у эстакады ждали люди. Тип взвился:

– Некогда тебе?! Такой занятой, слышь?

Он шагнул к Толе, схватил за грудки. Пришлось приложить его о стену, сунуть пару апперкотов. Толя по-быстрому вышвырнул пьяницу на эстакаду. Тот что-то кричал из-за дверной брезентовой шторы, Толя не слышал – ушёл в склад.

Пьяного этого Толя снова увидел ещё через час: сидя на бордюре напротив эстакады, тот что-то рассказывал двоим таким же, размахивал руками. «Вот же ж блин», – подумал

Толя. Потом они куда-то пропали, но Толя ходил настороже до самого вечера. Денёк и так выдался на славу, а тут ещё и из-за этого клоуна приходилось быть в напряжении.

В обед ни с того ни с сего прилетел Лосев. Толя как раз вывез товар и подавал с тележки паки постоянному клиенту, армянину с центрального рынка.

– Толян, – сказал Лосев, когда «Лада-девятка» армянина отъехала, – давай-ка мы посчитаемся, а? Ревизию проведём.

Он посмотрел Толе в глаза. Загадочно как-то посмотрел.

– Давай. – Толя удивился, пожал плечами. Сходил за учётным журналом, пошёл ко входу в коридор. Вася догнал его в коридоре, окликнул. Толя обернулся: чего он хочет? Лосев посмотрел всё тем же взглядом, потом махнул рукой, усмехнулся:

– Ладно, не надо. Пойдём.

Ничего не понимающий Толя побрёл за ним в кабинет.

– Мне тут звонят, – сказал Вася, усевшись на стул и вытянув ноги в высоких белых кроссовках, – рассказывают, что тебе левак привозят чуть ли не тоннами.

– Кто звонит?

– А, – Лосев махнул рукой, – не бери в голову. Я разберусь, что это за доброжелатели. А тебе я доверяю.

Толя про себя усмехнулся: «Ага, доверяешь, а на понт берёшь, реакцию смотришь... Психолог хренов». Пожал плечами, не стал ничего говорить.

– Ты это, – серьёзно сказал Вася, – не обижайся.

Перед тем как уехать, он выдал аванс, хотя до аванса оставалось ещё три дня, и сумму округлил в большую сторону, хотя, Толя видел, мелкие деньги у него имелись.

Всё это было непонятно, но почему-то укладывалось в логику этого странного дня.

Вечером, когда Толя уже считал склад, в коридоре грянуло, скрипнула тачка, послышались шаги. Толя вспомнил пьяного грузчика с двумя друзьями – они, что ли, пожаловали? Неудачно как: из камеры бежать некуда, тут и криков никто не услышит. Вот влип! Что ж, логичное окончание дурацкого дня. Придётся с боем прорываться.

Шаги приближались. Щёлкнула ручка, створка ворот стала медленно открываться.

Толя метнулся к воротам, схватил штыковую лопату, поднял над головой, сам прижался к стене у самого входа. Брезент шевельнулся. Показалась голова, и Толя едва не долбанул по ней лопатой, в последнюю секунду остановил руку: это был какой-то посторонний дед. Тот, не замечая Толи, близоруко всматривался в глубь тускло освещённого помещения:

– Эй! Есть кто? Куры по одной продаёте?

Прибежал Толя домой. Думал, вместе с рабочим днём и неприятности закончились. Куда там!

Помылся, сел ужинать, как пришла мысль – что-то Алёну долго не видно. Когда проходил мимо зала, та сидела у окна, решил – по телефону разговаривает. Теперь подумал – слишком долго разговаривает, даже как для неё. Подошёл, посмотрел: опёрлась о подоконник, уставилась в окно. А за окном темень, ничего не видно.

– Эй, ты чего тут сидишь? – спросил.

Алёна не ответила. Стал Толя вспоминать, чем же он опять её обидел – не смог вспомнить. Может, это из-за того, что пьяный вчера пришёл? Опять заговорил – и снова без ответа. Тогда он втиснулся между Алёной и окном, заглянул в лицо – и испугался. Глаза жены были пусты, как заброшенный стадион в зимний ветреный день. Толя вздрогнул, попытался поднять, пересадить на диван. Алёна молчала, руки безжизненно болтались. Как будто без сознания, только глаза открыты; толкни посильнее – упадёт и останется лежать, безжизненно глядя куда-то внутрь себя. Это было непонятно и страшно, и что делать, Толя не знал. Вспомнил о таблетках, принёс, но как заставить их выпить, так и не придумал.

Тогда позвонил в «скорую». Там выслушали, ответили участливо: «Это вам психиатрическая нужна, у них своя».

Продиктовали номер.

– Психиатрическая?... – Толя поблагодарил, отключился. Сел на пол, обхватил голову руками.

Тут Алёна пошевелилась.

– Не надо «скорую»... Дай водички...

Ожила Алёна, слава богу, хоть и не полностью. Вялая была, апатичная, но и на том спасибо. Выпила таблетки, легла в постель. А Толя сел за остывший, безвкусный ужин. Пока ел, два раза ходил, смотрел на жену, слушал дыхание. И ночью постоянно просыпался.

Утром стало лучше – Алёна казалась измученной, заторможенной слегка, но разговаривала, даже шутить пыталась. Решила на работу поехать. Толя подумал – и то верно, пусть лучше среди людей будет.

С утра, не успел он толком переодеться, в кабинет ворвалась бесноватая бабка с чёрным пакетом.

– Что ты мне подсунул?! – заорала с порога. – Посмотри! Посмотри вот! Они же вонючие!

Толя взял пакет. Такое редко, но случилось: мог попасться действительно некачественный товар – мало ли что на фабрике бывает, а скорее, старушка положила купленное куда-нибудь в кладовку, решив, что дня на три можно и без холодильника обойтись. Такое Толя обсуждал с Лосевым и убедил Васю, что дешевле возвращать деньги: пойдёт такая сумасшедшая в санэпидстанцию или ещё куда, и тогда мало

никому не покажется.

Взвесил пакет, извинился и отсчитал сумму.

– Совести у тебя нет, – сказала старуха на прощанье.

«Хорошее начало дня, – подумал Толя. – Видать, как вечера будет».

По комбинату ходил настороже, смотрел, как бы чего на голову не упало. Но сегодня невзгоды поменяли тактику. Часов в одиннадцать во двор комбината въехала белая «Волга», вышли подтянутые ребята в костюмах и галстуках. Толе повезло, вовремя увидел, как раз из туалета шёл. Бакалейщики, мороженщики, рыбники – все спешно закрылись, предупредили тех, кто приезд органов прозевал. Кто-то расселся по лавкам, делая вид, что не отсюда, кто-то ушёл подальше.

На эстакаду Толя не пошёл: кабинет заперт, склад тем более на замке. Повернул к мастерским и расположился там, наблюдая издалека. Двое приехавших прошли по эстакаде, двое других направились к Толиному кабинету, подёргали дверь и устремились в коридор, ведущий к складу. Толя вздохнул: неприятности продолжаются. Ребята в костюмах из коридора почти сразу вышли, сели в машину, тут же вернулись двое других, и «Волга» укатила.

Толя посмотрел вслед машине, потом вышел за проходную, проверил – мало ли. «Волги» не было, Толя пошёл к складу. Эстакада оживала, народ робко выглядывал, не веря, что всё закончилось так быстро; все спрашивали друг друга: «Ну, что там? К кому заходили?»

Войдя в вестибюль, Толя остановился у ворот склада, хмыкнул: «Ух ты!» На воротах висел не один замок, а два: поверх старого Толиного навесили другой – большой, блестящий, новенький. А над замками, приклеенная к обеим створкам ворот, белела бумажка с половину тетрадного листа; виднелась надпись от руки: «Опечатано», дата, зигзагообразная подпись и круглая синяя печать. Буквы на печати расплылись, Толя разобрал только город и надпись «МВД».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.